

В царстве света – она тьма

Дженнифер
Элис Ягер

ПРИКОСНОВЕНИЕ
ЛУННОГО
СВЕТА

Young Adult. Хроники сумерек

Дженнифер Ягер

Прикосновение лунного света

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Ягер Д. Э.

Прикосновение лунного света / Д. Э. Ягер — «Эксмо»,
2020 — (Young Adult. Хроники сумерек)

ISBN 978-5-04-119258-7

Мир человекоподобных существ, альб, сотканных из крови, тьмы и света, веками существует параллельно миру людей. Высшие альбы – изящные и высокомерные. Кровавые альбы – жестокие и свирепые. А ночные альбы – хитрые и ловкие. Баланс между ними поддерживает королева. Но она умирает, и претенденткой на трон становится Шира, ночная альба. Чтобы выжить в смертельной битве за престол, необходимо выполнить самые опасные задания, призванные доказать, что именно ей суждено стать новой королевой. Шира должна выкрасть из мира людей Сумеречный камень – утраченную реликвию альб. Но тот, кто уходит в параллельный мир, больше никогда не возвращается...

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-119258-7

© Ягер Д. Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дженнифер Элис Ягер

Прикосновение лунного света

Jennifer Alice Jager

CHRONIKEN DER DÄMMERUNG (VOLUME 1), MOONLIGHT TOUCH

Illustrated by Carolin Liepins © 2020 Ravensburger Verlag GmbH,
Ravensburg, Germany

© 2020 Ravensburger Verlag GmbH, Ravensburg, Germany

© Косарим М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Дженнифер
Элис Ягер

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛУННОГО СВЕТА

Freedom

Москва
2021

*Посвящается королеве, которая живет в твоём сердце.
И не важно, что скажут другие.*

Глава 1

Ши́ра

Особняк барона фон Эмбрана походил на замок. Усадьба раскинулась вдали от городов, на зеленом холме, и от границы с человеческим царством ее отделяли добрых два часа ходьбы.

По случаю празднования помолвки дочери барон пригласил всех окрестных Высших. Спрятавшись в тени леса, я наблюдала, как их кареты собираются у особняка. Факелы окаймляли подъездной путь, освещая дорогу; музыка и смех доносились до моих ушей, отпугивая лесных зверей. Всех, кроме меня, ведь в глазах высокородных альб я была не лучше зверя.

В конце концов, я ночная альба. Во мне текла не только их кровь; как и многие другие альбы в Пограничье, я целиком и полностью была порождением сумрака. Черные волосы, бледная, словно лунный свет, кожа и кошачьи глаза. Высокородные альбы, кровь которых не была разбавлена ни человеческим наследием, ни мне подобными, смотрели на меня свысока: с отвращением или даже страхом. И это было одной из причин, почему по всему Фархиру встречалось все меньше и меньше ночных альб. Многие подобные мне предпочли жить в лесах и за десятилетия превратились именно в тех животных, которых видели в нас Высшие. Другие отбеливали волосы и связывали себя браком с полукровками, только бы избавить своих детей от той судьбы и проклятия, что были уготованы ночным альбам.

Я, наверное, никогда не узнаю, почему мои родители не пошли тем же путем. Быть может, они видели в этом наследии нечто большее, чем просто проклятие. Но точно не затем, чтобы я использовала свои способности видеть в темноте и бесшумно передвигаться в ночи для разбойничьих налетов. Что бы сказали они, увидев, во что превратилась их дочь без родительского присмотра? Стали бы мной гордиться? Не думаю.

Но это уже давно перестало меня волновать. Я выжила и выжала из своей судьбы лучшее, что она могла мне предложить. Ночь за ночью я доказывала себе это и сегодня сделаю это снова.

Словно одна из разрастающихся теней, я прокралась вверх по пологому холму и обогнула передний двор поместья. Пригнувшись, я почти ползла по земле, возвышаясь лишь на расстоянии вытянутой руки над копытами лошадей, запряженных в кареты; животные не обратили на меня внимания – их спокойствию ничто не помешало. Так, незамеченная, я добралась до башни восточного крыла. По моим сведениям, барон поставил охрану у каждого входа, но высоко расположенные узкие окна башен оставались незащищенными. Вряд ли можно было предположить, что кто-то способен забраться туда, не говоря уже о том, чтобы протиснуться через эти окна внутрь. В конце концов, они были едва ли шире проемов решетки садовой шпалеры.

Хотя как раз шпалера была бы сейчас очень кстати. Стоя у подножия башни, я взглянула вверх. Стыки между камнями оказались узкими, сама кладка – слишком ровной. Издалека башенная стена выглядела грубее. Но пути назад не было. Я стянула кожаные перчатки, опустила на корточки и растерла в ладонях горсть сухой песчаной земли. А потом начала взбираться вверх.

Была еще одна вещь, из-за которой нас высмеивали и которая тем не менее несла в себе множество преимуществ, и этой особенностью был рост ночных альб. Большинство высокородных превосходили нас в росте чуть ли не на целую голову. Даже люди – и те были выше нас. Вдобавок большинство ночных альб имели хрупкое, если не сказать тщедушное, телосложение. Сама я весила не больше двенадцатилетнего паренька. Ходили слухи, что одичавшие ночные альбы, обитавшие в лесах, могли совершенно бесшумно перемещаться по деревьям, перескакивая с одной кроны на другую, и я умела вскарабкиваться на каменные стены, почти не прилагая усилий и совершенно не чувствуя тяжести своего веса.

Взобраться на эту башню стоило мне больших усилий, чем я предполагала. Уже на полпути я почувствовала, что задыхаюсь, и прикусила нижнюю губу. Стыки в кладке едва позволяли мне удерживать тело на весу, а искать подходящее место для того, чтобы подтянуться выше, приходилось слишком долго. Вскоре я почувствовала, что мои физические возможности достигли своего предела. Кончики пальцев горели, а руки начали дрожать.

Я не могла как следует отдышаться, иначе меня тут же обнаружили бы. Быстрый взгляд вниз подсказал мне, что я примерно в трех метрах над землей. С такой высоты я еще могла легко спрыгнуть и бесшумно приземлиться в траве. Но о том, чтобы сдаться, не могло быть и речи. Уж слишком много времени я потратила на разведку. Я решительно перевела взгляд вверх, на одно из окон, и понемногу двинулась дальше.

Взобравшись наверх, я изогнулась и, задержав дыхание, протиснулась в узкий оконный проем. Скользнула внутрь подобно воде, сочащейся сквозь трещину в вазе, и оказалась в темном помещении. Прогибаясь под тяжестью наваленных на них богатств, вдоль стен выстроились столы. Сундуки, составленные в центре комнаты, были так набиты сокровищами, что даже не закрывались.

Я удовлетворенно хмыкнула. Так вот как барон хранил свои ценности. Вместо того чтобы по примеру большинства состоятельных высокородных альб укрыть богатство от алчных взглядов и жадных пальцев под сводами подвалов, он выставлял его напоказ. Значит, мои источники не обманули. Барон тешил свое тщеславие, используя любую подходящую возможность, чтобы показать, какое состояние ему удалось скопить. Наверняка он частенько приводил в эту башню своих любовниц. Я легко могла себе представить, как вспыхивали глаза бедных крестьянских девушек, когда стараниями барона они оказывались в этой сокровищнице.

Эта мысль вызывала у меня отвращение. Я знала такой тип мужчин достаточно хорошо, чтобы одна лишь мысль о возможности украсть у одного из них то, что ему так дорого, принесла мне немалое удовлетворение.

Мои пальцы скользнули по россыпям драгоценностей, золотых цепей и самоцветов – богатство, на которое целая деревня могла бы кормиться весь год. За последние несколько лет я совершила бесчисленное количество краж, хотя в основном обчищала только шкатулки благородных дам и кошельки их мужей. Смотреть на то, как много было накоплено всего лишь одним высокородным, который не мог потратить все эти сокровища даже за всю свою жизнь, было отвратительно до тошноты. Совсем рядом с именем дети гибли от голода прямо на улицах, но барона это, похоже, совсем не волновало.

Остановившись перед одним из сундуков, я присела на корточки и подняла крышку. Сундук был доверху набит золотыми монетами. Намного лучше, чем драгоценные цепи и дорогие перстни. Мне пришлось узнать, насколько трудно было их сбыть. Чем ценнее украшение, тем больше страх скупщиков перед кровопийцами – солдатами королевы. Я сунула руку за пояс лифа и вытащила оттуда пустой кожаный мешочек. Спустя несколько мгновений он, наполненный золотыми монетами, снова вернулся на прежнее место. Если повезет, барон даже не заметит, что его ограбили. А я смогу возвращаться сюда и совершать подобные кражи так часто, как мне захочется.

Может, это был мой шанс. Может, мне не придется больше браться за опасные заказы, постоянно сбегать откуда-то тайком и встречаться с подозрительными личностями. Может, скоро придет конец постоянному выдумыванию новых планов и жизни в вечном страхе, что моя следующая вылазка может оказаться последней. И все благодаря этому тщеславному подонку – барону фон Эмбрану. Я едва верю в возможность такой надежды.

Голоса, раздавшиеся снаружи, вырвали меня из собственных мыслей. Поднявшись, я прокралась к окну и бросила взгляд вниз. У подножия башни, возле группы лошадей, стояли два конюха.

– Если барон узнает об этом, нам обоим не поздоровится! – прошипел один из них.

– А что же нам делать, если в конюшнях больше нет места? – спросил другой. – К тому же он ничего не узнает. Мы останемся здесь и позаботимся о скотине. И ничего не случится.

Мне хотелось закричать от ярости, но вместо этого я только подняла глаза к небу.

– Спасибо, Мурайя! – съязвила я.

Кто, как не сама богиня альб, могла послать мне этих людей? Так, значит, мое высокомерие было наказано. Вот тебе и «повезло»! Теперь я не могла вернуться тем же путем, которым пробралась сюда. Даже в темноте я, будучи ночной альбой, не могла проскочить мимо конюхов, слоняющихся под окнами. Я должна была найти другой путь отсюда или ждать и надеяться, что они уйдут раньше, чем барон решит показать своим гостям эту комнату. Насколько я знала, это был лишь вопрос времени. Осторожно, на цыпочках, я прокралась от одного окна к другому. То из них, в которое я влезла, я выбрала неспроста. Показать на освещенном фасаде башни было все равно что крутиться перед носом у местных конюхов. А по другую сторону сооружения возвышались отвесные скалы, так что, попытав счастья там, я скорее всего обрекла бы себя на верную смерть.

В отчаянии я бросилась к двери. Тяжелая, сделанная из массива дуба и окованная железом, она наверняка могла выстоять против дюжины мужчин и вела именно в то место, где я ни за что не хотела бы оказаться: в глубь поместья, где как раз сейчас толпились гости барона и его вооруженная стража. При одной лишь мысли о том, что придется пробираться по ярко освещенным коридорам, мое сердце забило быстрее. Но выбора не оставалось.

Я вытащила маленький, перевязанный бечевкой сверток, развернула его и достала две выдавшие виды отмычки. Опустившись на одно колено, я начала возиться с замком, как вдруг дверную щель заслонила тень.

Этого просто не могло быть! Весь этот вечер, казалось, был проклят. Столько подготовки, такая легкость вначале, – и потом все пошло наперекосяк. Задыхаясь от злости и разочарования, я торопливо сгребла свои отмычки и прижалась к стене, как раз вовремя, чтобы успеть спрятаться за дверью, когда услышала, что в замке поворачивается ключ.

– Факел! – приказал грубый властный голос.

Дверь отворилась, и свет факела разбавил темноту комнаты. Я затаила дыхание. Каждый раз, когда мне казалось, что меня вот-вот схватят, я принималась перебирать в мыслях все, что могли сотворить со мной кровопийцы, попади я к ним в руки. При этом виселица была бы самым милостивым наказанием. Пытки, публичная порка и отрубание конечностей считались обычными методами королевских солдат. Мысль об этом придавала мне смелости и позволяла сохранять спокойствие в любой, даже самой критической ситуации. Паниковать – значит ошибаться, а этого я не могла себе позволить.

Пожилой высокородный альб, необычайно полный для представителей своего рода, вошел в комнату. Мужчина был одет в бархатные одежды, отороченные норкой, его редкие серебристые волосы украшала золотая диадема, а в руке, унизанной кольцами, он держал факел. Свет упал на сокровища, отчего те замерцали. Следом за мужчиной вошли две беспрестанно хихикающие молоденькие девушки.

– Осмотритесь тут, – предложил мужчина. – Выберите себе украшения. Можете потом носить их весь вечер.

– В самом деле? – недоверчиво спросила одна из девушек.

– В самом деле, – пообещал он, поворачивая факел так, чтобы осветить всю комнату до последнего уголка.

И две молоденькие альбы, радостно взвизгнув, бросились на сокровища, словно голодные псы на горстку костей.

Еще один шагок, подумала я, молясь, чтобы в этот раз Мурайя оказалась милостива ко мне. Закрыв глаза, я ждала, целиком обратившись в слух. И вот наконец время пришло. Услышав, как барон сделал еще один шаг в глубь комнаты, я снова открыла глаза и незаметно

проскользнула в дверь за его спиной – полностью отдавая себе отчет в том, что с другой стороны меня поджидает, по крайней мере, один из его подчиненных. Торопливо оглядевшись по сторонам, я действительно обнаружила охранника, который вопреки моим опасениям стоял, повернувшись ко мне спиной, и тут же рванула в противоположном направлении. Это было чистой авантюрой. Я прекрасно это знала. С тем же успехом я могла бы броситься прямо в объятия этому мужчине. Но именно это так волновало и увлекало меня.

Хихиканье девушек доносилось до моих ушей даже тогда, когда я достигла лестницы. Я сбежала вниз по ступенькам, которые вели в глубь поместья. Мой путь пролегал мимо гардероба – на первый этаж. Незамеченная служанкой, охранявшей пальто и плащи гостей, я выбрала самую неброскую накидку и закуталась в нее с головы до пят. Не попавшись никому на глаза, словно тень, я миновала еще нескольких гостей и слуг и, наконец, добралась до окна, из которого могла отважиться спуститься вниз.

Я с облегчением уперлась коленом в подоконник, когда услышала знакомое хихиканье. Мое тело тут же напряглось. Барон и его спутницы направлялись в мою сторону. Я уже видела их тени, тянущиеся по полу, и знала, что эти трое доберутся до меня еще до того, как я успею вылезти в окно.

Я сделала шаг назад и развернулась в единственном направлении, куда еще могла бежать. Туда, откуда до меня доносились звуки музыки и голоса множества Высших, туда, где проходило празднование помолвки.

Как раз в тот момент, когда барон завернул за угол, я бросилась бежать, поднялась по лестнице и оказалась в большом зале, заполненном сотнями гостей.

Все, кроме меня, были без накидок и плащей и тем более не заворачивались в наряды с головой, пряча лицо. Даже если толпа могла ненадолго послужить мне защитой, меня все равно заметят – это был лишь вопрос времени.

Я поспешно огляделась, но не обнаружила ни одного открытого окна, через которое отсюда можно было бы перелезть во двор. В любом случае прыгать прямо под ноги местным слугам было бы слишком рискованно. Дверей, которые не охраняла бы стража, тоже не было. Я протискивалась сквозь толпу к главному входу. Там стояли два вооруженных мужчины, и я пыталась найти способ отвлечь их и пройти мимо. Но один из стражников уже обратил на меня внимание. Неудивительно, ведь, в конце концов, я была единственным гостем, скрывающим свое лицо. Охранник еще не покинул свой пост, но вытянулся, пытаясь получше разглядеть меня среди множества альб. Попятившись, я снова исчезла под спасительным прикрытием толпы; мысли в голове метались с бешеной скоростью. Должен был быть какой-то выход. Всегда был!

Запах свежеспеченного хлеба, пряностей и мясного жаркого достиг моего носа, и я заметила стол с закусками, расположенный у дальней стены зала. Сокровища, подобные тем, что я видела в башенной комнате, уже давно не вызывали во мне особенных эмоций. Зато такое изобилие пищи – да.

Длинная столешница едва не прогибалась под тяжестью множества яств. Пудинги, фрукты и даже жареный поросенок словно надо мной смеялись, и я почувствовала, как мой рот наполняется слюной.

Мой взгляд снова метнулся к выходу. Я не знала, высматривает еще меня охранник или уже нет. Но если я снова подойду к нему, моя накидка выдаст меня с головой. И снять ее я тоже не могла. В конце концов, я была ночной альбой, окруженной дворянами, которые, узнав, что скрывается под этой накидкой, бросились бы врассыпную, крича от ужаса. А может, это как раз то, что мне нужно, чтобы спастись. Улыбка тронула мои губы: я приняла решение.

Я быстро устремилась к столу с закусками, схватила один из хлебов и голыми руками разломила его надвое. Одно лишь это уже привлекло внимание. А когда я со звоном уронила на пол вилку, быстро повернувшись, крепко прижала к груди полбуханки хлеба и прильнула

к столу, все взгляды были направлены только на меня. Я торопливо озиралась, когда кто-то уже схватил меня за руку и сорвал с головы накидку. Некоторые из альб и впрямь закричали, другие попятились прочь от меня.

Мужчина, поймавший меня на краже, был не кто иной, как сам барон. Его пальцы крепко сомкнулись вокруг моей руки.

– Пожалуйста! – дрожащим голосом взмолилась я, надеясь, что он купится на мою уловку. – Я так голодна.

– Ты, маленькая вороватая дрянь! – прошипел он, больно встряхнув меня. – Как ты сюда попала?

– Пожалуйста! – снова взмолилась я и, прикусив губу, уставилась на него широко раскрытыми глазами. Я изо всех сил старалась выглядеть как можно более отчаявшейся.

Но барона это ничуть не смягчило. Он потащил меня через толпу, направляясь прямо к охранникам, стоявшим у выхода.

– Я сделаю все, что хотите! – заклинала я. – Поверьте, господин, все!

Хлеб выпал из моей руки, пока барон тащил меня к двери. Я рухнула на колени, и он схватил меня обеими руками, силясь снова поставить на ноги, в то время как я цеплялась за его одежды, словно ребенок – за юбку матери.

– Все, – настойчиво повторила я, глядя на него снизу вверх. Я была уверена, он понял, что я имела в виду. Глаза мужчины сузились, когда он осмотрел меня с головы до ног. Я знала, что барон думает обо мне в этот момент, но знала и то, что он не примет мое приглашение на глазах у своих гостей.

– Ты украла что-то еще? – спросил он.

Я покачала головой, позволив барону поднять меня на ноги и прижать к стене. Он сорвал с моих плеч накидку, отступил на шаг и кивком головы приказал охраннику обыскать меня. Вероятно, хозяин поместья хотел убедиться, что у меня с собой действительно лишь один кусок хлеба, а не что-нибудь вроде пухленького мешочка с золотом.

Охранник, не колеблясь, потянулся к поясу моего лифа. Не раздумывая, я схватила мужчину за руки, прежде чем он успел коснуться моей одежды, и он покосился на меня с подозрением во взгляде. Противодействовать обыску – не лучшая идея. Я неохотно опустила руки и позволила охраннику одним резким движением порвать завязки моего лифа. Тот упал на пол, и я осталась стоять перед мужчиной в одной льняной рубашке. Ее тонкая, изношенная ткань едва прикрывала мое тело, но я была вынуждена молча терпеть, пока охранник ощупает меня с ног до головы, в то время как целая толпа знати наблюдала за этим процессом. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы снести все это, не сопротивляясь.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем охранник, наконец, отпустил меня. Я тут же скрестила руки на груди: так, по крайней мере, я не чувствовала себя совершенно обнаженной.

– Она чиста, – возвестил стражник.

– Тебе повезло, – заявил барон. – Если бы ты украла что-то большее, чем просто хлеб, я не позволил бы тебе уйти безнаказанной.

В зале воцарилась тишина; дворяне, столпившиеся вокруг нас, едва слышно зашептались, а затем один из них приблизился к барону.

– Вы должны передать ее альбам крови.

Барон не ответил мужчине. Вместо этого он повернулся к своим гостям.

– Бедняки Фархира страдают от голода, – громогласно объявил он. – Я понятия не имею, как эта бедняжка попала ко мне в дом, но я не могу уклоняться от ответственности. Никто из нас не может.

Раздался ропот одобрительных голосов, некоторые из гостей заплотировали, и, как я и ожидала, барон прямо-таки купался в восхищении, которое ему оказывали окружающие.

Вдобавок ко всему мужчина подхватил хлеб с пола и сунул его мне в руки. Затем он взял меня за руку и подтолкнул к выходу. Я хотела было попросить его вернуть мне и лиф, но решила не злоупотреблять своей удачей. Охранники распахнули дверь, и барон вытолкнул меня наружу. Губы мужчины растянулись в широкой ухмылке.

– Расскажи всем своим друзьям, как щедр и добр ваш барон, – обратился он ко мне.

– Так и сделаю, – заверила я, отвесив поклон.

Не знаю, может, я и перестаралась, но барон, кажется, купился на мою благодарность.

– Хорошая девочка, – сказал он, и в следующее мгновение охранники закрыли дверь перед моим носом. Тьма окутала меня; я снова выпрямилась. Теперь настал мой черед широко ухмыляться.

– Чего нет, того нет, – победоносно заключила я и повернулась, чтобы уйти.

Все могло сложиться и совершенно иначе. Мне это было ясно как белый день. Я рассчитывала на то, что барон станет изображать благодетеля перед своими гостями. Так и произошло. Тем не менее это было чистой авантюрой. С таким же успехом в эту секунду я уже могла быть в его темнице. И тем не менее именно тот факт, что я едва избежала подобной участи, породил во мне такое радостное возбуждение, которое не могло вызвать ничто другое.

Я пересекла двор, оставляя позади свет, голоса и музыку. И только убедившись, что за мной не наблюдают, разломила полбуханки хлеба и извлекла оттуда свои отмычки и кожаный мешочек, наполненный золотом. Довольная собой и собственным актерским талантом, я подбросила мешочек в воздух и снова поймала его. Если бы все зависело только от меня, любой из моих разбойничьих набегов мог бы заканчиваться именно так.

Поздняя ночь окутала мой родной город, когда я наконец добралась до него. Неподвижная и серая, в темноте Баштана казалась почти спокойной. В этом месте я провела почти всю свою жизнь и именно сюда возвращалась почти после каждой вылазки. Я словно жила двумя жизнями. В одной из них я обычная сирота, принятая на воспитание добрым стариком, в другой – ночная воровка. И я не могла расстаться ни с одной, ни с другой.

Оставив хлеб и несколько золотых монет на ступеньках храма Мурайи, я направилась к рыночной площади по главной улице города. Я прошла совсем немного, когда меня вдруг охватило нехорошее ощущение. Что-то было не так. Я только пока не знала что. Мой взгляд скользнул по покосившимся хижинам, которые жались друг к другу по обе стороны улицы. Вокруг стояла тишина. Огни уже не горели; большинство ставен были закрыты, а шторы – задернуты. Только кое-где виднелись очертания фигур, стоящих за окнами домов. Мое сердце забилось быстрее. Так вот что меня встревожило. Почему часть жителей до сих пор не спит, и почему они наблюдают за улицей, стоя в темных комнатах?

Я метнулась в сторону, погрузилась в тень и прокралась вдоль фасадов к ближайшему переулку. Оттуда я добралась до рыночной площади.

Поперек дороги, у заброшенного колодца, стояла пустая карета. Так вот что заинтересовало местных жителей? Это был экипаж каких-то знатных господ. Обычно в Баштане таких не встретишь. Неужели кто-то из высокородных заблудился в этом захудалом приграничном городке и решил спросить дорогу? Будь я неосторожным вором, я бы попыталась ограбить этих людей, пока их экипаж стоял без охраны. Но этой ночью я уже достаточно испытывала удачу.

– Открой! – услышала я крик мужчины.

Я обшарила взглядом ряды домов, но, только выйдя из переулка, поняла, куда намеревался попасть незнакомец. Группа мужчин стояла перед домом Балдура. Домом, в котором жила я.

Словно окаменев, я стояла, наблюдая, как Балдур открывает дверь. Его седые волосы были растрепаны ото сна. Одетый в ночную рубашку, старик всматривался в лица незнакомцев своими маленькими глазками.

Эти мужчины не были путешественниками; не были они и свитой одного из высокородных альб. Это были альбы крови – кровопийцы. Солдаты королевы. Красные сапоги и темная форма незнакомцев издали выдавали их.

Сердце в моей груди колотилось как бешеное, мысли отчаянно металась в голове, и я сделала шаг назад.

– Там! – завопил один из мужчин, указывая на меня.

Недолго думая, я резко развернулась и рванула прочь.

Глава 2

Шира

Я затаилась в тени. Тут они не могли меня видеть, здесь они не станут меня искать. Отмычки и золото были тщательно припрятаны. Теперь оставалось только ждать.

Меня трясло от напряжения; ссадины, оставшиеся после подъема на башню, нестерпимо горели. Словно напоминали мне, насколько я была глупа, решившись ограбить барона. Но в самом ли деле причиной того, что солдаты королевы сейчас искали меня, была моя не самая удачная кража? Как смогли они так быстро выяснить, где я живу? И почему барон вдруг решил передумать?

Я постаралась выровнять дыхание и подняла взгляд к звездам, чтобы успокоиться, погрузившись в их молчаливую тишину.

Ночь была моей подругой. Мне нравилось мерцание в мрачной темноте, легкие поцелуи ночного ветерка на моей коже и спокойствие, которое, как одеяло, укутывало в это время суток меня и весь Фархир. Когда в высоком небе призрачно сияла луна и тысячи звезд вступали в тщетную борьбу с темными тенями, я чувствовала себя в безопасности. Даже когда рядом рыскала толпа кровопийц.

Я пригнулась, прищурилась – и на моем лице расплылась ухмылка. В поле моего зрения показались красные солдатские сапоги. Они принадлежали их капитану, который остановился прямо передо мной и как раз сейчас приказывал своим людям:

– Рассредоточиться! Общайте каждый угол этой грязной дыры, переверните каждый камень! Найдите эту маленькую дрянь!

Меня снова охватило то самое возбуждение, которое я испытывала после каждого удачного набега. Моя ухмылка стала настолько широкой, что показались зубы, и если бы главарь королевских солдат обернулся и взглянул вниз, то увидел бы, как они сверкнули в темноте подобно полумесяцу, что сиял над нашими головами.

Но он не обернулся, а его люди не станут обыскивать каждый угол. Грязь, в которой я сидела, вызывала у них отвращение. И это была одна из причин того, почему в этом маленьком захудалом городке солдаты королевы Фархира появлялись крайне редко. Нужно лишь немного времени, и тогда их отзовут, и они уже не появятся здесь снова в ближайшее время.

Капитан убежал прочь, а я бесшумно метнулась в узкий переулок между домами, когда мне на плечо неожиданно прыгнула толстая крыса. Грызун оскалится и зашипел; его желтые глаза уставились на меня с ужасом – наверное, крыса была шокирована тем, что этот кусок грязи под ней может шевелиться. Подскочив, я собиралась бросить крысу об стену, прежде чем она успеет ухватить меня за горло, но животное уже вонзило в мою руку свои мелкие острые зубы. Я вскрикнула от боли, ухватила грызуна за горло и оторвала от себя.

В этот момент в переулок завернул капитан, и я швырнула крысу прямо ему в лицо. Он еще не успел сообразить, что произошло, а я уже развернулась к нему спиной и понеслась прочь.

Мужчина завопил, извергая проклятия, а шаги его солдат, гулким эхом отражаясь от стен, снова последовали за мной. Я добежала до конца переулочка, где местные жители сваливали мусор в кучу высотой с человеческий рост. Не раздумывая, я прыгнула на один из ящиков, оттолкнулась от него и повисла на стене.

Мои преследователи догнали меня, когда я подтянулась, пытаюсь перебросить тело через преграду. Один из них схватил меня за ноги и дернул вниз. Мой ответный оскал был не менее внушительным, чем оскал жирной крысы. Я отбивалась от мужчин ногами и изо всех сил цеплялась за каменную стену. Ни за что на свете я не должна была позволить им поймать меня.

– Стяни ее оттуда! – вскричал капитан.

Мои пальцы нестерпимо болели. Недавно полученные ссадины вступили в противостояние с шершавым камнем, отчего окончательно превратились в кровоточащие раны, и я, потеряв опору, соскользнула, ударившись лбом о стену. Перед глазами все начало расплываться, но я с остервенением отбивалась от солдат руками и ногами, пиная их и царапая им лица. Я сопротивлялась, как могла. Но силы были неравными: четыре солдата королевы против одной безоружной ночной альбы. Я не могла одержать победу в этой схватке, и эта уверенность породила во мне панику. Мужчины бросились на меня и прижали к земле, крепко, словно в тисках, удерживая мои руки.

– Отпустите! – кричала я, извиваясь, словно рыба, выброшенная на берег, до тех пор, пока силы окончательно не покинули меня. И тогда солдаты рывком поставили меня на ноги.

Командир, прикрывая рот и нос платком, с отвращением взглянул на меня и подозвал к себе солдат.

– А теперь пора выбираться из этой вонючей дыры, – приказным тоном произнес мужчина.

Он повернулся и зашагал прочь. Королевские солдаты принудили меня следовать за ним. Я не оставляла попыток к сопротивлению, хотя знала, что у меня нет совершенно никаких шансов. Я угодила в лапы альб крови, а они уж наверняка не окажут мне той благосклонности, какую не так давно проявил барон фон Эмбран. Конечно, нет.

– Вы пожалеете об этом! – прошипела я. Я не хотела сдаваться, не хотела покоряться своей судьбе без боя, и все же мысль о том, что ждет меня дальше, почти сводила с ума.

– Ты только посмотри. Эта штука, оказывается, разговаривает, – глумливо хмыкнул капитан.

Ярость так и клокотала во мне. Она была всем, что мне оставалось в создавшемся положении, и я отчаянно цеплялась за нее. Никогда еще ни один альб крови не касался меня. Уже почти десять лет я воровала по ночам, совершая преступления, за которые могла бы познакомиться с виселицей не один десяток раз, но ни разу не была поймана. Хотя не раз была близка к этому, как сегодня, в особняке барона. Но мне всегда удавалось улизнуть. И вот на тебе.

Солдаты точно знали, где меня искать, и уже поджидали меня, пока я пребывала в счастливой уверенности, что обвела барона вокруг пальца. У меня были все шансы сбежать от них, но я не смогла. И все из-за какой-то несчастной крысы.

– Я выцарапаю тебе глаза! – выплюнула я прямо в лицо капитану, не в силах сдержать свою ненависть к кровопийцам. И не только потому, что сейчас эти солдаты удерживали меня, а из-за того, чего они меня лишили, когда я была еще невинным ребенком. Я собрала последние силы, сопротивляясь мертвой хватке, закричала и рванулась вперед.

Капитан остановился и окинул меня пренебрежительным взглядом.

– Выцарапаешь глаза, значит, – повторил он. – Вы, ночные альбы, ничем не лучше диких зверей. Стоит ли тогда удивляться тому, как с вами обращаются?

Мой плевок угодил мужчине прямо в лицо, и один из его солдат врезал мне кулаком под ребра. Удар вытеснил из легких весь воздух, и я согнулась пополам, на какое-то мгновение перестав дышать от боли.

– Достаточно, – приказал капитан. Я через силу подняла на него глаза. Мужчина вытащил носовой платок, стер слюну со щеки, а затем небрежно отбросил клочок ткани. – Мы должны доставить ее во дворец целой и невредимой.

Невредимой? Чтобы я была в полном сознании, когда меня приговорят к смертной казни и затащат на виселицу? Или они собирались отрубить мне руки, ведь именно этого, по мнению солдат королевы, и заслуживала воровка? Но ни одно из этих наказаний не требовало, чтобы пленник оставался невредимым, да и кровопийцам такое бережное обращение было несвойственно. От меня что-то скрывали.

– Назови свое имя! – потребовала я, обращаясь к капитану. Быть может, если я каким-то образом заставлю мужчину говорить, я выясню правду.

Кровопийца самодовольно улыбнулся.

– Зачем оно тебе, ночная альба?

– Чтобы отыскать тебя, когда я вернусь из царства мертвых, которым правит Мурайя, и выследить тебя и твою семью, – отозвалась я.

Пусть это и были всего лишь сказки, но многие верили, что если ночные альбы умирали неестественной смертью, они могли обратиться в призраков, чтобы отомстить своим врагам. Бытовали легенды о том, что мы незаметно вторгались в жилища беззащитных альб, забирая их души. Хотя ночные альбы даже не снискали благословения Мурайи. Мы не могли творить магию, не говоря уже о том, чтобы питаться душами других.

Тем не менее улыбка застыла на лице мужчины. Капитан старался не подавать виду, но он явно был напуган. А страх значит неосторожность.

– Связать ее и заткнуть рот кляпом, – приказал капитан.

Солдаты оттащили меня от своего главаря, и уже издалека я увидела карету, которая все еще стояла перед домом Балдура. Это был великолепный экипаж, украшенный золотой фурнитурой и бархатными занавесками, запряженный четверкой превосходных жеребцов. Уздечки белых лошадей украшали перья; на чепраках¹ красовался герб Фархира.

Вероятно, капитан выбрал именно эту карету, чтобы скрыть свои истинные намерения, и я ненавидела себя за то, что попала на эту уловку. Если бы на рыночной площади стояла телега с клеткой, в которых перевозили преступников, я смогла бы вовремя унести ноги.

Крики королевских солдат в конце концов вытянули горожан из своих домов. Завернувшись в одеяла и накидки, они вышли на улицу и стояли, наблюдая за происходящим. Балдур тоже словно застыл у входной двери своего дома с фонарем в руках, но, когда мужчины потащили меня к карете, подошел ближе.

– Что, собственно, Шира сделала? – спросил он дрожащим голосом.

– Прочь с дороги, старик! – рявкнул один из солдат, отталкивая Балдура в сторону. Тот, споткнувшись, упал на обочину и взглянул на меня глазами, полными страха.

– Да как вы смеете! – прошипела я.

Балдур ничего им не сделал. Он даже не подозревал, что позволял воровке спать в задней комнате своего дома. Он был добродушным стариком, безупречным жителем Фархира, в жилах которого, помимо человеческой, текла кровь высокородных альб. Его ярко-голубые глаза и заостренные уши должны были указать на это альбам крови. Так что даже если они не уважали его преклонный возраст, им стоило уважать хотя бы его происхождение.

– Если она задолжала... – крикнул Балдур им вслед, но, осознав, что его никто не слушает, умолк.

Едва мы добрались до кареты, солдаты связали мне руки за спиной, и один из них попытался заткнуть мне рот платком. Я оскалила зубы и щелкнула ими в опасной близости от руки мужчины, и тот больше не отважился приблизиться ко мне.

– Подождите! – вскричал чей-то резкий голос.

Капитан обернулся и вытянулся по стойке «смирно», увидев, что к нему, подняв руки, приближается высокородный альб, служитель Мурайи. В рясу священник облачился в спешке, его серебристые волосы были всклокочены, а во взгляде все еще плескались остатки сна. За ним следовал мэр города с женой. Они были в ночных рубашках.

– По какому праву вы берете под стражу свободную гражданку Фархира? – поинтересовался священник.

¹ Чепрак – суконная, ковровая или меховая подстилка под конское седло.

Я пыталась высвободиться из своих пут, надеясь, что переполох отвлечет солдат. Но мужчины по-прежнему были внимательны.

Капитан отвесил поклон, выудил из своего мундира свиток и протянул бумагу священнику.

– Приказ королевы, – пояснил он.

Королевы? В таком случае мое вторжение к барону фон Эмбрану не могло иметь к происходящему никакого отношения. Никто не смог бы так быстро предъявить обвинение. Но что же тогда навело альб крови на мой след?

– Она невинное дитя, – уверял Балдур, который тем временем подошел к мэру. – Шири никому ничего не сделала. Она собирает травы и продает их на рынке. Это же не преступление. И на случай, если ее попытаются обвинить в этом, – она никогда не ступала в Пограничный лес.

– В этой маленькой грязной ночной альбе скрыто больше, чем она хочет показать, – заявил капитан.

Мужчина бегло взглянул в мою сторону, и у меня не осталось сомнений, что ему известны обо мне такие вещи, которые никто и никогда не должен был узнать. Я ни за что на свете не могла допустить, чтобы Балдур понял, что я воровка.

Капитан снова повернулся к Балдуру и уже собирался что-то ему сказать, когда я резко перебила кровопийцу:

– Нет! Все в порядке. Я пойду с вами добровольно.

Брови капитана одобрительно взметнулись вверх.

– Что ж, голубушка, в благоразумии тебе не откажешь, – заметил мужчина. И едва священник дочитал письмо до конца, альб взял свиток из его рук и убрал на прежнее место.

– Шири? – Взгляд Балдура, устремленный на меня, был почти умоляющим, но я не могла смотреть ему в глаза.

Старик принял меня к себе, отчаявшуюся и беспомощную, заменил мне семью и всегда был рядом. Если бы он узнал, кем я была на самом деле, это разбило бы ему сердце. Этого не должно случиться.

Хотя я все еще не знала, в каком из моих многочисленных преступлений меня обвинили, лицо священника уже говорило о многом. Он уставился на меня глазами, полными ужаса, а когда мэр подошел к капитану, служитель Мураи протянул руку и удержал его.

Обескураженная, я опустила взгляд.

– Здесь не на что смотреть! – крикнул капитан собравшимся на улице людям. Мужчина указал на карету. – Давайте-ка ее туда, – приказал альб своим подчиненным.

Я сдержала свое обещание и позволила усадить себя в карету без сопротивления. Удивительно, но альбы крови не привязали меня к экипажу, так что мне не пришлось тащиться вслед за ними весь долгий путь до дворца. Это было не менее странно, чем тот факт, что меня арестовали по приказу королевы. Бесчисленное множество вопросов вихрем пронеслось у меня в голове, но я сомневалась, что кто-то из альб крови согласится ответить мне хотя бы на один из них.

В карете капитан занял место напротив меня. Его изучающий взгляд ощупывал меня, и я почувствовала отвращение, хотя альбу было ничуть не стыдно рассматривать меня подобным образом. Ничего удивительного. В этом плане капитан был ничем не лучше барона. Ничем не лучше любого другого высокородного. Я была ночной альбой и не заслуживала уважения. Особенно в их глазах.

Я не могла поразить капитана его собственным оружием. Сколько бы я ни смотрела на него, он не отводил от меня взгляда.

Альбы крови. Это название подходило королевским солдатам по нескольким причинам. Помимо красных сапог и того, что пытки и убийства были у них в крови, эти альбы имели чистейшую родословную. Они были Высшими, без единой капли человеческой крови в жилах

или испорченного ночными альбами наследия. Именно поэтому они считали себя лучшими. Но мне все представлялось иначе. Одно лишь то, что чистокровные альбы ставили свое положение выше положения других, уже указывало на их надменность.

Карета довольно долго громыхала по улицам. Ночь постепенно проигрывала борьбу наступающему дню, сияние звезд уступало место красноватому мерцанию; пахло росой и утренним ветром.

Капитан откинулся назад, переведя взгляд с моих черных взлохмаченных волос на тело, обтянутое тонкой льняной рубашкой, и потертые кожаные брюки. Когда он снова поднял глаза, наши взгляды встретились.

– Тебя зовут Шира, – сообщил он очевидное.

– Представь, мне это известно, – сказала я.

Мужчина презрительно фыркнул.

– С вежливостью уже покончено?

Я не ответила.

Капитан адресовал солдату, что сидел рядом со мной, ядовитую ухмылку, затем снова повернулся ко мне, подавшись вперед.

– Мы поставили на уши весь город, чтобы найти Ширу Абендхаух, – начал он. – Твоя фамилия должна была стать явной подсказкой², хотя никто из нас по-настоящему не верил, что наша задача – отыскать ночную альбу.

– Но я здесь, – отозвалась я.

Капитан снова откинулся назад.

– Да, ты здесь... – задумчиво пробормотал он.

Я выглянула в окно и устремила взгляд на проносившиеся за ним просторы Фархира, стараясь запечатлеть в памяти красоту страны.

Нежное мерцание хрупких капель росы в высокой траве напоминало сияние звезд. Как если бы они упали с небес и в царстве альб обрели свое последнее пристанище. Вдалеке к высоким холмам жались тихие, уютные усадьбы, по долине петляли ручьи, а на пастбищах мирно паслись лошади окрестных крестьян. Гривы жеребцов развевались, подхваченные сильным утренним ветром, который нес с собой аромат полевых цветов. Я сделала глубокий вдох, пытаясь запечатлеть в своем сердце воспоминание об этом запахе, запахе свободы.

Многие говорили, что ни одна страна не может сравниться с Фархиром, ни в одной из них не найти такого разнообразия ярких красок, нигде не было такого народа, добродушного и в то же время миролюбивого. Всю жизнь мне казалось, что я смотрю на все это словно бы через зеркало. Я видела красоту и изящество Фархира, но и только. Я была всего лишь наблюдателем, а не частью всего этого. И все же я любила свою родину, и пребывать в неизвестности, будет ли мне когда-нибудь снова даровано это зрелище, было страшно.

Я знала, что делали с теми, кого обвиняли и осуждали во дворце. Это было несопоставимо с казнями в моем родном городе. Перспектива быть сожженной заживо казалась милостивой судьбой по сравнению с тем, что было уготовано мне безжалостной королевской армией. Она существовала для того, чтобы сохранять мир, который все мы так любили, чтобы служить примером и чтобы дать понять каждой альбе страны, что может быть нечто худшее, чем просто смерть.

– Капитан Тарос? – обратился один из кровопийц к старшему.

Я увидела, как краска сошла с лица капитана, и мои губы расплылись в широкой ядовитой ухмылке. Теперь я знала имя мужчины. Не то чтобы это знание было мне чем-то полезно, но он-то этого не знал.

– Что? – рявкнул Тарос.

² Абендхаух (нем. Abendhauch) – вечерний бриз.

Солдат, казалось, осознал свою ошибку – я заметила, что у него на лбу выступили капли пота.

– Мы... мы скоро будем на месте, – дрожащим голосом пробормотал наконец бедняга.

Острый взгляд Тароса, обращенный на альбу, был подобен хлысту.

– И ты думаешь, я этого не знаю?

Солдат дернул тугой воротник своего мундира.

– Я только хотел сказать, что она все еще связана, – выдавил он.

– Ах вот как? И что ты предлагаешь сделать? Развязать ее и надеяться, что она послушно будет сидеть на месте? Ты впервые имеешь дело с ночной альбой? Ты и в самом деле настолько глуп?

Моя ухмылка стала шире.

– Я буду очень послушной, обещаю, – сообщила я.

Капитан рассмеялся.

– Убедись, что путы на месте, – приказал он.

Я метнула на солдата вызывающий взгляд, решив во что бы то ни стало не позволить ему коснуться меня, но то, что я увидела за его спиной, отвлекло мое внимание. На востоке, за холмами, появились первые башни дворца.

Мое сердце забилось быстрее. Никогда прежде я не бывала в столице. Говорили, что Харан исполнен чудес и потрясающих красот, таких, что у каждого, чья нога впервые ступает в город, на глаза наворачиваются слезы.

Солдат вцепился в веревки на моих запястьях, и я, не сопротивляясь, позволила ему затянуть их покрепче. Мне не составило бы никакого труда прокусить ему ухо, но я не была тем диким зверем, которым меня считали, тем более сейчас, когда меня так привлекал вид белых башен, сверкавших в утреннем свете подобно озерной глади.

– Почему? – спросила я капитана, оторвавшись от созерцания. – Как вы вышли на меня?

Уверена, я всегда была осторожна. Мое имя было известно лишь тем, кому я безоговорочно доверяла. Те, кто пользовался моими услугами, и те, кто становился жертвами моих разбойничьих налетов, не относились к их числу. Единственным из них, кто видел мое лицо, был барон фон Эмбран, однако, увлеченный созерцанием моего тела, он вряд ли узнал бы меня, повстречайся я ему снова.

– Боишься? – злорадно спросил капитан. – Интересно, что такого ты натворила, что бросилась бежать от лейб-гвардии королевы, едва мы спросили о тебе?

От самой лейб-гвардии? Я думала, они обычные солдаты. Должно быть, им стало известно о моих худших преступлениях, если они зашли так далеко, что натравили на меня этих солдат. А если это было так, то мне ни за что не покинуть Харан живой.

– Я ночная альба. И я не боюсь. Ничего и никого, – возразила я, надеясь, что никто не услышал, как дрожал при этом мой голос.

Глава 3

Лисандр

Лисандр мог бы наблюдать за ней вечно. Амелия была так красива, что захватывало дух. Почти полностью раздетая, девушка лежала рядом с ним на кровати с балдахином, прикрытая лишь тонкой шелковой простыней. Его взгляд скользил по изгибам ее идеального и при этом такого хрупкого тела, отчетливо выделявшегося под полупрозрачной тканью.

За окнами замка Агрино уже пели птицы, и это напомнило ему, как мало времени у них осталось. Взошло солнце; его золотистые лучи поблескивали в каплях пота на загорелой коже Амелии. Они пощекотали курносый носик молодой горничной, и Амелия поморщилась, заставив Лисандра улыбнуться.

Эта девушка и впрямь была самым красивым существом, которое он когда-либо видел. Лисандр с трудом мог поверить, что ему позволено лежать рядом с ней.

Нет, он просто счастливчик. Некоторое время Лисандр смотрел, как девушка спит, гадая, проснулся ли вообще он сам. Все это казалось прекрасным сном. В самом ли деле Амелия дала ему то обещание прошлой ночью, или слова, которые она выдохнула ему в ухо, когда они находились друг к другу ближе, чем когда-либо прежде, тоже были сном, который скоро закончится? Это казалось ему слишком нереальным, чтобы быть правдой. И все же это было так.

Амелия повернулась во сне и теперь спала, обратившись к нему лицом. Теперь их разделяло совсем крошечное расстояние, примерно в ладонь шириной, – достаточно близко, чтобы он мог поцеловать ее в лоб. Ему пришлось приложить все усилия, чтобы овладеть собой и не сделать этого. Лисандр пока не хотел ее будить. Слишком велик был страх разрушить этот безмятежный миг.

Пальцы Амелии обхватили подушку, на которой покоилась ее голова, и девушка тихо вздохнула.

Как длинны были ее ресницы, как изящно изогнуты густые темные брови! Сколько бы Лисандр ни смотрел на девушку, он всегда находил мелкие детали, которые заставляли его влюбляться в нее снова и снова, и каждый следующий раз – еще сильнее, чем прежде. Ничто на свете не могло сравниться с ее красотой.

Сколько бы сокровищ ни скопил его отец, сколько бы картин ни написали по его заказу, сколько бы статуй ни установили скульпторы в бесконечных коридорах замка, – ничто из этого и близко не могло сравниться с очарованием одной спящей женщины. Ни драгоценности, ни золото всего мира.

Лисандру вдруг подумалось, что щебет за окнами в это утро предназначался только для них. Как будто в том, чтобы сопровождать своей музыкой часы, что влюбленные делили друг с другом, и состоял единственный смысл жизни птиц.

Должен ли он разбудить ее? Нежным поцелуем или тихим шепотом в это прелестное ушко? А может, ласково прикусить ее кроваво-красные губы? При одной только мысли об этом Лисандр уже слышал звонкий смех девушки, испытывая нестерпимое желание ощутить ее кожу на своей. Осторожно наклонившись над спящей, он убрал с ее лица один из локонов цвета эбенового дерева. Вновь едва слышно вздохнув, Амелия потянулась к нему навстречу и прежде, чем Лисандр успел ее поцеловать, распахнула глаза.

Они были зелеными. Ярко-зелеными, пронизанными золотистыми, почти золотыми, прожилками.

– Доброе утро, солнышко, – прошептал он, получая в благодарность улыбку.

Рискуя утонуть в блеске глаз девушки, Лисандр отодвинул в сторону простыню, отделявшую их тела друг от друга. Он чувствовал жар, который исходил от кожи Амелии, и не желал ничего иного, кроме как снова разжечь этот огонь. Лисандр с трудом мог поверить, что уже через два дня Амелия будет принадлежать ему навсегда. Он сможет просыпаться рядом с ней каждое утро, и не будет никого, кто сможет им помешать.

Медленно склонившись над девушкой, Лисандр коснулся губами ее изящной шеи, когда громкий треск внезапно заставил их вздрогнуть.

Осколки фарфора разлетелись в разные стороны, и Амелия в панике громко вскрикнула ему прямо в ухо. Еще до того, как Лисандр понял, что только что произошло, она вырвала у него простыню, прикрыла ею свою наготу и в то же время рывком столкнула любовника с постели.

Он неуклюже грохнулся на жесткий каменный пол, тут же вскочил и увидел, что дверь комнаты распахнулась и с грохотом врезалась в стену, смахнув с буфера вазу с цветами. Осколки усыпали полкомнаты.

Конечно же, это Винсент нарушил их гармонию. Уже с раннего утра в полном обмундировании, вооруженный мечом и кинжалом, он стоял в дверном проеме, неистово отдуваясь. Прежде чем Лисандр успел спросить его, что это за мятеж он тут поднял, в комнату ворвались четыре его гвардейца.

– Что за дела? – рявкнул на него Лисандр.

Винсент не ответил. Кожа на его голове приобрела пунцовый оттенок, рука лежала на рукояти меча, словно Винсент и в самом деле допускал мысль о том, чтобы использовать оружие против наследного принца, когда обогнул кровать широкими шагами.

Два гвардейца схватили Амелию и стащили ее с кровати, а Винсент, мимоходом схватив со стула брюки Лисандра, швырнул их ему. Лисандр поймал одежду на лету.

– Да надень ты хоть что-нибудь, черт возьми! – гневно вскричал Винсент.

– Уберите от нее свои руки! – потребовал Лисандр, обращаясь к гвардейцам.

Амелия кричала, не переставая. Она плотно обернула простыню вокруг тела и цеплялась руками за усыпанный осколками пол, оставляя за собой в спальне Лисандра кровавый след.

Что задумали эти мерзавцы? Почему они не подчинились его приказу? Неужели они забыли, кому служат? Прыгая на одной ноге, Лисандр натянул брюки, оттолкнул Винсента в сторону и последовал за этими паршивыми изменниками короны. Они не смели обращаться с Амелией подобным образом!

– Лисандр! – заорал Винсент.

– До тебя я еще доберусь, – пригрозил он, спотыкаясь о кровать. – Немедленно отпустите ее!

Лисандр наступил на осколок и закричал от ярости и негодования. Два оставшихся гвардейца схватили его за руки, прежде чем он успел дотянуться до Амелии, и теперь крепко удерживали его.

Бедную девушку вытолкали за дверь. Она умоляла, кричала и рыдала от стыда и отчаяния. А Лисандр чувствовал себя бессильным. Никто не имел права так обращаться с беззащитной женщиной! Никто!

Он вырвался из рук одного из гвардейцев, врезал ему кулаком в челюсть и навалился спиной на второго мужчину, который упал, увлекая Лисандра за собой. Юноша быстро скатился с него и как раз собирался вскочить на ноги, когда почувствовал у своего горла острие меча. Нам ним, мешая подняться, возвышался Винсент.

– Ты не посмеешь поднять руку на наследного принца, – сказал Лисандр.

Винсент в своем положении мог позволить себе многое. А на тренировочной площадке фактически даже гораздо больше, чем кто-либо другой. Но нападать на Лисандра открыто было, пожалуй, слишком даже для него.

– Проверим? – вызывающе спросил Винсент.

Как же он этого хотел! То, что перед ним был не кто иной, как Винсент Демитрон – его инструктор по битвам на мечах и командир королевской стражи, – Лисандра не волновало. Винсент и его люди уже зашли слишком далеко.

Не сводя твердого взгляда со своего наставника, Лисандр схватил клинок и отвел его от себя. Принц даже не вздрогнул, когда острый металл впился ему в плоть. Это была жестокая борьба за власть, но в ней участвовали лишь взгляды мужчин, и Лисандр знал, что человек перед ним слишком предан короне, чтобы доводить ее до крайности.

Винсент фыркнул. Его кожа по-прежнему была пунцовой, глаза превратились в узкие щели, а лицо словно окаменело.

– Проклятье! – выругался он, наконец опуская меч.

Ничего другого Лисандр и не ожидал. Он тут же вскочил и последовал в коридор, за гвардейцами. Они уже протащили бедную Амелию, по-прежнему раздетую, мимо дверей нескольких комнат и пары напуганных горничных. Когда Лисандр в сползающих брюках прошел мимо женщин, они покраснели и опустили взгляды в пол. За спиной он услышал, как они тихо захихикали.

– Штаны хоть застегни! – крикнул Винсент ему вслед.

Лисандр догнал мужчин только в холле замка.

– Довольно! – скомандовал он гвардейцам. – Повеселились, и хватит. Отпустите ее сейчас, и я воздержусь от того, чтобы собственноручно отделить ваши головы от туловищ.

Казалось, он разговаривает со стенами. Неужели эти круглые идиоты еще и глухие? Или они не понимали, с кем имеют дело? Не удостоив принца даже взглядом, гвардейцы потащили дрожащую и всхлипывающую Амелию к главным воротам.

– Пожалуйста! – со слезами умоляла она. – Пожалуйста, не делайте этого со мной!

– Вы что, оглохли? – вскричал Лисандр.

Принц огляделся в поисках оружия. Каким-то образом он должен был положить конец всему этому безумию. Пока он искал и выбирал между почти двухметровыми подсвечниками и одним из ржавых мечей на стене, стражники отперли гвардейцам главные ворота и распахнули тяжелые створчатые двери.

Лисандр слепо бросился вперед, вцепился в одного из гвардейцев и оттащил его прочь от Амелии. Прежде чем мужчина понял, что с ним произошло, Лисандр схватился за рукоятку его меча и рванул клинок из ножен.

Холл был залит светом наступившего дня, и пока Лисандр был занят тем, что удерживал обезоруженного мужчину, он краем глаза заметил, как второй гвардеец грубо вышвырнул Амелию из замка. Ее просто выставили за дверь, как паршивую собачонку. Девушка, спотыкаясь, сделала несколько шагов в сторону, а затем повернулась к нему. Она смотрела на принца глазами, полными отчаяния и мольбы.

– Ваше Высочество... – осторожно начал гвардеец напротив него, подняв руки, но Лисандр легким движением своего меча заставил его замолчать.

То, что этот человек прекрасно знал, кто стоит перед ним, и тем не менее позволил себе ослушаться принца, говорило совсем не в его пользу.

Лисандр как раз собирался отшвырнуть в сторону второго гвардейца и вернуть Амелию, когда Винсент, протиснувшись мимо принца, бросил девушке ее нижнее белье и одежду, жестом приказав стражникам запереть ворота.

Амелия, широко раскрыв глаза, неотрывно смотрела на Лисандра. Он не мог видеть любимую в таком отчаянии – это просто разбивало ему сердце. Всего несколько часов назад в мире существовали только они. Двое влюбленных и их клятва – провести всю оставшуюся жизнь вместе. Они были так счастливы, и все, казалось, было идеально. И вот теперь она, почти

полностью обнаженная, с ногами, истекающими кровью, стояла на ступенях замка, и их планы на будущее, исчезая в небытие, уже казались чем-то призрачным.

В мгновение ока Амелия потеряла все, включая собственное достоинство: мужчины и женщины, решившие с утра пораньше посетить рыночную площадь, пялились на нее, пока стражники молча затворяли ворота прямо у нее перед носом.

– Нет! – закричал Лисандр, бросаясь вперед.

Винсент преградил ему путь.

– Не делай этого, – посоветовал командир, удерживая обе руки принца.

И хотя Лисандр уже давно не был тем тщедушным мальчонкой с круглыми глазками-пуговками и хвостиком на затылке, деревянный меч которого оставил в свое время немало синяков на Винсенте, а все славные дни последнего уже давно миновали, этому человеку все же удалось взять Лисандра под контроль. И это – вне тренировочной площадки, единственного места, где командир позволял себе открыто нападать на принца.

Как Винсент это сделал, Лисандр не знал. Принц вытянулся перед мужчиной, и одного непреклонного взгляда оказалось достаточно, чтобы Лисандр опустил меч. Винсент разочарованно тряхнул головой.

– Вы не можете просто выставить ее за дверь, – продолжал упорствовать Лисандр. – Как ты вообще посмел врваться в мои покои и обращаться с ней и со мной так, словно мы какие-то беглые преступники?

– А ты бы предпочел, чтобы ее публично выпороли?

– Выпороли? – недоверчиво выдохнул Лисандр. – Она же ничего не сделала!

– Она делила постель с наследным принцем. Должно быть, она знала, на что идет. Так же, как и ты. – Винсент смерил Лисандра неодобрительным взглядом. – А теперь иди и надень что-нибудь, ради бога.

Лисандр недоверчиво взглянул на него. У него и раньше были интрижки, но до сих пор его никто не беспокоил. Однако на этот раз все было по-другому. Амелия действительно была дорога ему. Так, может, именно поэтому с ней обращались подобным образом? Неужели он не мог позволить себе влюбиться по-настоящему только потому, что являлся наследником престола? А может, Винсент преследовал собственные интересы? Знал ли он, что Лисандр задумал построить с девушкой новую жизнь?

Принц посмотрел на ворота и решил последовать за Амелией. У них были свои планы, и в случае необходимости Лисандр просто ускорит их. Что мог сделать Винсент, чтобы остановить его? Сбить с ног? Приковать к отцовскому трону, пока тот не умрет от старости и корона не перейдет к Лисандру?

– Даже не думай об этом, – предостерег его Винсент, словно прочитав его мысли. Стражники у ворот тут же скрестили копья.

– Куда ей теперь идти? – спросил Лисандр.

Его наставник не проявил ни малейшего сострадания.

– А об этом ей следовало подумать заранее.

Лисандр гневно фыркнул. Да этот старик просто не понимал, что такое любовь. У него не было ни жены, ни детей. Единственное, что волновало Винсента, – это его меч и служение короне. Для Лисандра все это не имело значения. Его не заботило, кто восседал на троне или сколько сокровищ скопилось в подвалах королевского замка. Ему было безразлично, лежит он на соломенной кровати или на шелковых подушках. Главное, чтобы Амелия была рядом. Ему не нужны были ни богатство, ни власть. Все, чего он хотел, – это еще раз взглянуть в ее ярко-зеленые глаза. И никто не имел права отказать ему в этом. Даже Винсент Демитрон.

При этой мысли Лисандр невольно сжал руки, и внутри него снова вспыхнул гнев. Юноша начал понимать, что к чему. Конечно, сам Винсент не имел полномочий так обращаться с ним. Лишь один человек мог быть настолько беспринципным, чтобы выставить за дверь бедную

невинную девушку. Лишь он один обладал властью приказать гвардейцам выступить против своего наследного принца. И это был его отец. Король.

Лисандр развернулся и направился напрямиком в столовую.

– Не делай этого, – посоветовал Винсент, пытаясь остановить принца. – Оставь все как есть. Извлеки из этого урок и повзрослей наконец.

– Он зашел слишком далеко! – прорычал Лисандр, вырвался и побежал прочь.

Разве не достаточно было того, что король превратил его жизнь в ад? Неужели теперь он решил взяться за невинных горничных? Лисандра не удивило, что Винсент принял сторону отца. Старик исполнял все, что требовал от него король. Он вырвал бы из своей груди сердце и преподнес его правителю в подарок. И король Амберана Набран без колебаний принял бы его. Но хуже всего то, что Лисандр знал: если король прикажет, то Винсент, несмотря на долгие годы, которые связывали его с принцем, не колеблясь, вырвет сердце и королевскому сыну. И то, что Винсент отнял у Лисандра его любовь и сорвал все планы принца на совместную жизнь с Амелией, ничем иным и не было.

Ногти юноши впились в кожу, когда он сжал кулаки еще крепче. Порез, оставленный мечом Винсента, пронзила яростная вспышка боли.

– Остановись! – потребовал Винсент, все еще следуя за ним по пятам.

Лисандр проигнорировал его. Гнев закипал в нем, кровь стучала в ушах, когда принц толкнул дверь в столовую и ворвался в пустую комнату.

Фыркнув, он огляделся.

– Где он?

– Давай-ка поспокойней, – попросил Винсент.

Лисандр не нуждался в том, чтобы выслушивать ответ. Если отец закончил завтрак, значит, он уже принялся обдумывать свои планы по завоеванию соседних земель.

Лисандр быстрыми шагами пересек комнату, толкнул следующую дверь и, обращая на себя взгляды слуг, целенаправленно устремился мимо рядов комнат, по коридорам и залам огромного замка. Винсент еще не догнал принца, когда тот уже отдал двум стражникам перед двустворчатой дверью приказ пропустить его.

Мужчины выглядели растерянными. Все-таки не каждый день кронпринц появлялся перед ними в наполовину застегнутых брюках, с босыми ногами и оголенным торсом.

Лисандр не стал дожидаться, пока стражники примут решение и тем более пока из-за угла появится Винсент. Решительно распахнув створчатую дверь, он вошел в зал совета с большим круглым столом посередине. Дюжина седовласых мужчин в струящихся одеяниях из самых благородных тканей, сгрудившихся вокруг него, удивленно подняли взгляды. Среди них был и король.

Набран, король Амберана, был мужчиной представительной внешности. Под его бархатным одеянием скрывалось статное, закаленное бесчисленными битвами тело с широкими плечами и огромными ручищами. И хотя борода его уже поседела, а маленькие, глубоко посаженные глаза окружила сеть морщин, он все еще был грозным бойцом и безжалостным военачальником, который с гордостью носил свою украшенную драгоценностями корону и до сих пор защищал ее от любого врага.

Поверхность стола представляла собой детально вырезанную в дереве карту королевства Амберан и граничащих с ним земель. Горы и города представляли собой возвышенности, реки и озера – голубые впадины.

Подобная карта украшала и потолок комнаты. Но если роспись над головами изображала древнее, давно забытое народом величие Амберана, резьба на столе отображала действительность. Красные линии наглядно иллюстрировали, как за последние десятилетия поменялись границы. Многие крупные империи распались на десятки мелких провинций, и Амберан тоже лишился части территорий. Все больше и больше графств и княжеств отказывались от

своего короля, потому что больше не хотели платить высокие налоги за войну, которая, возможно, никогда не начнется. Правда, Фархир, проклятое царство маров, по-прежнему бросал тень на весь юг, но редко кто из тех тварей появлялся на виду. Ни стаи этих существ, ни тем более их армия не вторгались в Амберан и не нарушали его покой. Кроме того, каждому было известно, что ни один амберанец не вправе пересекать государственную границу. Достаточно было изгнать этих тварей обратно в леса, если они подойдут слишком близко к поселениям людей. Так зачем жить в страхе и ужасе перед чем-то, что было не более чем мрачной легендой?

Лисандр перевел взгляд на карту и быстро понял, что король и его советники планировали нападение на северную провинцию Село.

Набран встал перед Лисандром.

– Как ты посмел? – властным голосом призвал он сына к ответу.

Лисандр не позволил ему запугать себя. Он уже давно не боялся отца.

– Так, значит, Село?

Бывшее графство совсем недавно отделилось от Амберана. Ему нечего было противопоставить королевскому войску, и теперь, очевидно, эта земля будет возвращена кровавым путем.

– В каком виде ты предстаешь перед своим королем и отцом? – продолжил Набран.

Лисандра это не остановило. Постепенно все начинало обретать смысл.

– Ты из-за этого так поступил? – спросил он. – Натравил гвардейцев на Амелию? Ты против того, чтобы твой сын делил постель с простой женщиной родом из Село?

Советники отступили и начали перешептываться. Король оглянулся на них со смесью неудовольствия и гнева. Должно быть, он осознал, что пройдет не так много времени, как все королевство узнает об отношениях его сына с обычной горничной. Сплетня о том, что она родом именно из Село, разнесется очень быстро.

Король повернулся к Лисандру:

– Мне противно, что мой собственный сын, моя плоть и кровь, путается со всеми служанками без разбору, как никчемный приبلудный деревенщина! Теперь этому пришел конец. Раз и навсегда. Настанет время, когда ты осознаешь и исполнишь свою новую роль в династии нашей семьи. Но ты стоишь здесь, полуобнаженный, перед своим королем и просишь сохранить жизнь безымянной, невесть откуда приبلудившейся служанке. Стыдись!

– Ты уже достаточно стыдишься за нас обоих, – сказал Лисандр. – Но уж точно и в половину не так, как я стыжусь того, что я твой сын.

Едва произнес эту фразу и шагнул вперед, как в зал совета вошел Винсент, который тут же схватил принца за руку. Не сделай он этого... Лисандр не знал, как далеко он мог бы зайти.

– Уберите его с моих глаз, – сделав властный жест, приказал Набран. – Отведите его в темницу и не выпускайте оттуда, пока он не усвоит свой урок.

– Что? – выдохнул Лисандр, пытаясь высвободиться из рук наставника.

– Не усугубляй свое положение, – вполголоса предостерег его Винсент.

Он вытолкнул Лисандра в коридор, но тот сопротивлялся изо всех сил, стараясь снова прорваться в зал совета. Если уж принц должен был оказаться в подземелье, он как минимум собирался это заслужить. В этот момент Лисандр сделал бы все, лишь бы увидеть, как его отец истекает кровью. Он хотел, чтобы король почувствовал боль, сравнимую с той, что тот причинил Амелии. Но Винсент не отпустил его, и стражники закрыли двустворчатую дверь прежде, чем Лисандр успел прорваться туда.

– Он не может этого сделать, – ошеломленно сказал Лисандр.

– Он уже это сделал, – поправил его Винсент, кивнув своим гвардейцам. – Арестовать его.

Сердце Лисандра гулко ухнуло в груди. Это и в самом деле произошло? Похоже на какой-то жуткий кошмар. Проклятье, посланное самими марами, которое обратило его удачу вспять. Сначала Амелию вырвали из его объятий, а теперь и их совместные планы были под угрозой.

Что девушка сделает, если Лисандр не появится через два дня в условленном месте? Что она подумает о нем?

Гвардейцы схватили Лисандра за руки и крепко держали, несмотря на все попытки юноши освободиться. И ни один мускул не дрогнул на лице Винсента, когда тот приказал увести наследного принца прочь.

Глава 4

Шира

В сравнении с Хараном мой родной город безнадежно проигрывал и казался настоящей помойкой. Башни дворца возвышались над бесчисленными куполами крыш, маячившими за холмом. Сотни богато изукрашенных окон, обрамленных круглыми арками и узкими колоннами, придавали постройкам филигранный, изящный вид. Здесь не было ни неуклюжих каменных домов, ни крытых соломой крыш, ни грунтовых дорог. Харан казался произведением искусства, мастерски сложенным из бумаги. Нежным и хрупким. А тем временем столице Фархира уже было многим больше тысячи лет.

Город располагался на скале, посреди могучей реки. Бурлящий поток прорывался между башнями и зданиями, низвергался вглубь десятками водопадов, которые вновь объединялись в долине в белый пенящийся поток – Харандеш. Ходило поверье, что эта река – пульсирующая артерия Мурайи, богини всех жизней и магии. Пока Мурайя благосклонна к нам, наша столица всем невзгодам вопреки останется стоять у края пропасти. И до тех пор, пока Харандеш будет протекать через весь Фархир, земля останется плодородной, лето – теплым, а зимы – мягкими.

Карета следовала по дороге, ведущей к берегу реки. Оттуда в Харан можно было попасть только по мосту. Слева и справа от него выстроились стражники. Кровопийцы в белой униформе с нашивками и темно-синих сапогах. Мужчины не остановили нас, и мост мы преодолели беспрепятственно.

Когда мы въезжали в столицу, мой взгляд привлекла арка городских ворот. Высокая, выше самого высокого здания Баштаны, и белая, словно известь, она была изящна в форме двух могучих берез, кроны которых переплетались в самой верхней точке. Копыта лошадей застучали по мостовым, и звук эхом разносился по узким и, казалось, бесконечным улочкам.

До моего слуха доносился шум реки, но ни каналов, ни чего-то подобного я так и не увидела, из чего сделала вывод, что поток воды находится ниже уровня дорог. Здания были так высоки, что мне казалось, будто мы едем по глубокому ущелью. Это угнетало и вызывало ощущение, будто что-то мешает мне свободно дышать.

Королевский дворец был обнесен очередной стеной, и на этот раз стражники остановили экипаж.

– Куда направляетесь? – поинтересовался альб крови, подходя к окну кареты. Он осмотрел салон, и его взгляд остановился на мне.

Капитан подал стражнику письмо, которое произвело впечатление на священника в Баштане.

– Это шутка? – недоверчиво спросил стражник, еще раз пробегая глазами строки.

– А что, я похож на шутника? – съязвил Тарос.

Мужчина у кареты перестал изучать письмо, и теперь его взгляд внимательно проходил по мне, словно я была не более чем диким зверем. Если мысли стражника соответствовали моим представлениям, я не собиралась его разочаровывать. И зашипела, недовольно и предостерегающе. Больше всего мне хотелось выглядеть так, будто я вот-вот выцарапаю ему глаза, чтобы мужчина испуганно отпрянул назад. Однако оковы мешали мне это сделать.

– Должно быть, вы взяли не ту альбу, – проговорил стражник. – Эта жалкая девчонка не выглядит взрослой, не говоря уже о том, чтобы она была способна на что-то дельное.

Мужчина взмахнул письмом, и Тарос тут же выхватил послание из его рук. Знай этот придурок, на что я способна, он бы воздержался от таких слов в мой адрес.

– Я не совершаю ошибок, – бросил капитан стражнику.

– Ладно, – буркнул тот, отступил назад и махнул нам рукой. – Проезжайте! – крикнул он кучеру.

Мы въехали во двор, в который спускалось не менее дюжины лестниц из белого камня. Их нижние ступени, почти в два метра шириной, веером сходились к вершине, сливаясь в единую лестницу под круглым арочным входом.

– Сиди смиренно, – приказал мне Тарос, грозя поднятым указательным пальцем, словно я была маленьким ребенком, которого стоило призвать к послушанию. Во взгляде мужчины явственно читалось отвращение, которое он испытывал ко мне – ночной альбе, очевидно, достойной лишь его презрения.

– И куда бы я пошла? – раздраженно огрызнулась я.

Он ответил кривой ухмылкой, потом вышел и о чем-то заговорил с дворцовыми стражниками.

Воспользовавшись этим, я попыталась оценить ситуацию. Где-то должны быть скрытые боковые выходы, темные ниши или другие укрытия, которые могут облегчить мне побег. Но все, что хоть немного подходило для этой цели, это ворота между лестницами. И прежде чем я успела выяснить что-то еще, Тарос уже схватил меня за руку и выволок из кареты.

Я сопротивлялась нехотя, вполсилы. Физически кровопийцы намного превосходили меня. Если я и собиралась сбежать, то, конечно, не стала бы сейчас вырываться и убегать вслепую. Нужен был лучший план, и желательно до того, как меня закуют в цепи.

Не проронив ни слова, Тарос повел меня к одной из лестниц. Его пальцы больно впились в мое плечо.

– Куда ты ведешь меня? – поинтересовалась я.

Он не ответил.

Вопреки моим ожиданиям, что меня затащат в одни из ворот прямо в подземелье, капитан подошел к обитой золотом двери, толкнул ее и поволок меня внутрь дворца.

Пол, отполированный так гладко, что я видела в нем свое отражение, не уступал по величелипию высоким, украшенным лепниной стенам, которые венчал расписной потолок. С него на равных расстояниях друг от друга свисали хрустальные канделябры из чистого серебра, инкрустированные драгоценными камнями, прозрачными, как родниковая вода, и крупными, как глазные яблоки.

Попади хотя бы одна из этих люстр в мое распоряжение, я была бы обеспечена на всю оставшуюся жизнь. Хотя, по всей видимости, они были настолько тяжелы, что их не смогли бы поднять даже альбы крови.

– Не задерживайся, – поторопил меня Тарос, когда я притормозила у приоткрытой двери. Там, за дверью, располагалось помещение, по виду напоминавшее музыкальный салон. Группка высокородных альб сгрудилась вокруг арфистки, которая, заметив меня, прервала свою игру. Удивленные не меньше, чем я, обитатели дворца воззрились на меня. То, что чистокровные Высшие были выше и стройнее ночных альб, я знала давно. В последние дни я встречалась с ними чаще, чем мне хотелось. Однако эти выглядели совершенно иными. Все они были больше чем на голову выше меня, обладали длинными заостренными ушами и волосами, словно сотканными из серебра и белого золота. По сравнению с этими поразительно элегантными и изящными существами барон фон Эмбран и ему подобные альбы, жившие недалеко от границы, уже казались мне почти неуклюжими. Одежды из атласа, в которые были облачены эти небесные создания, обволакивали их тела, словно молоко, кожа казалась безупречно идеальной и такой нежно-розовой, словно они только что родились, а глаза сияли кристально чистой синевою. Я даже не смогла бы сказать, кем они были: мужчинами или женщинами. Красота их не зависела от гендерных ролей и внушала мне трепет, без всякого моего на то желания.

Я невольно подумала о том, что в Фархире высокородными считали тех альб, в крови которых в течение пяти поколений не было замечено ни человеческой крови, ни крови мне

подобных. Глядя на этих Высших, я с легкостью могла себе представить, что их родословные простираются до древнейших времен. Их кровь, несомненно, была столь непорочна, что могла состояться в чистоте с кристальными водами реки Харандеш.

Тарос толкнул меня в другой коридор. Те альбы, что встречались на нашем пути, старались держаться на должном расстоянии, и едва мы проходили мимо, я слышала их шепот за нашими спинами.

Все это казалось чрезвычайно подозрительным. Почему я до сих пор не оказалась в подземелье? Не могло же быть так, что они водили каждого преступника по королевскому дворцу! И какими бы тяжкими ни были мои проступки, почему они не отрубили мне руки прямо на рыночной площади моего родного города? Быть может, потому, что лишение конечностей или быстрая смерть на виселице были бы слишком милосердными наказаниями для кого-то вроде меня? Я не могла отрицать, что эти предположения заставили содрогнуться все мое существо. Страх овладел моими мыслями, хотя мне точно было известно, насколько неосторожной я могу от этого стать.

Мы вошли в приемный зал, уставленный креслами и гигантскими вазами, со столом в центре комнаты, украшенным затейливой резьбой. Чаша на столе была наполнена фруктами, при виде которых мой рот наполнился слюной. Как же мне хотелось впиться зубами в одно из этих сочных яблок!

Но никакой возможности осуществить это у меня не было. Без лишних слов Тарос потащил меня в большую комнату, расположенную за приемной.

Прохладный ветерок устремился мне навстречу. Напротив нас не было стены – только высокие круглые арки, за которыми зияла пропасть. Вдали виднелись крыши Харана; шум водопадов достигал моих ушей. У одной из колонн стоял, повернувшись к нам спиной, мужчина, одетый, как и Тарос, в черный мундир. Единственным несходством были сапоги: того же антрацитового цвета, что и мундир, они отличали незнакомца от других кровопийц, сапоги которых были красными.

Тарос кашлянул и отпустил меня, ожидая, пока мужчина повернется к нему лицом. И тогда капитан поклонился.

Мужчина казался образцом настоящего солдата: поджарый, с угловатым лицом, острым взглядом и сверкающими глазами. Его волосы непривычного для чистокровного альбы темно-русого цвета, были коротко острижены, под мундиром отчетливо бугрились мускулы, и, хотя незнакомец выглядел дружелюбным, что-то в его облике обещало опасность.

– Командир, – приветствовал его Тарос.

Тот скептически посмотрел на меня. Казалось, мужчина ничуть не удивился, увидев перед собой ночную альбу.

– Что это значит? – сурово спросил он.

Тарос снова выпрямился.

– Прошу прощения? – отозвался он.

– Веревки, – пояснил командир. – Почему ее руки связаны за спиной?

– Ну, она не изъявила желания идти с нами добровольно, и она... – он осекся и взглянул на меня, – она кусается.

– Можешь идти, – приказал командир.

Тарос снова поклонился и исполнил то, что от него требовалось. Я смотрела капитану вслед, пока он не вышел из комнаты, и вздрогнула, когда, снова повернувшись к командиру, внезапно обнаружила, что тот стоит прямо передо мной. На губах мужчины играла легкая улыбка. Он приблизился ко мне совершенно бесшумно. Свойство, которое обычно приписывали нам, ночным альбам. Я не могла отрицать, что это произвело на меня впечатление.

– Позволь мне помочь тебе, – предложил он.

Мало того что его волосы были необычно темными для высокородного. Вблизи я заметила, что синева его глаз уже не выглядит такой уж кристально чистой. Казалось, что его зрачки окружал пылающий венок. Огонь, чье пламя пробивалось сквозь синеву цвета морских глубин. Я нехотя повернулась к нему спиной.

– Что все это значит? – прямо спросила я.

Командир освобождал меня от пут, и я воспользовалась этим временем, чтобы немного осмотреться.

Эта комната, состоявшая из трех стен, казалась чем-то вроде рабочего кабинета. Слишком большая, чтобы служить только этой цели, но оборудованная едва ли не только письменным столом и доходящими до потолка книжными стеллажами, расположенными у дальней стены. За всю свою жизнь я никогда еще не видела в одном месте столько книг сразу.

Потирая изнывающие от боли запястья, я снова повернулась к командиру и мельком взглянула на дверь за его спиной. Она наряду с главным входом казалась единственным выходом из этого помещения. Не считая прыжка в пропасть. Однако я сомневалась, что мне удастся уйти далеко, даже если я решусь на такую необдуманную попытку к бегству.

– Меня зовут Атура, – представился он. – Я командующий королевской армией. А ты Шира Абендхаух, ведь так?

Сощуриив глаза, я окинула его взглядом. Для такой высокой должности мужчина показался мне слишком молодым. Быть может, это привлекательная внешность помогла командиру занять такое положение? Не думалось, что он обязан этим своей родословной. Потому что из-за темных волос и этих необычных глаз было ясно: мужчина нес в себе смешанную кровь. Тем не менее он должен был считаться чистокровным Высшим, потому что в противном случае он, конечно, не продвинулся бы так далеко в своей карьере.

– Ты называешь мне свое имя? – уточнила я.

Пока Атура проявлял дружелюбие, я делала то же самое. Я немного расслабилась, но все же оставалась настороже.

Командир удовлетворенно улыбнулся.

– Говорят, многие ночные альбы вовсе отказались от языка. Они живут в лесах вместе с волками, воют на луну и раздирают добычу зубами. Ты явно не принадлежишь к числу этих отщепенцев. Ты обладаешь способностью выражать свои мысли и делаешь это достаточно изысканно. Однако что-то мне подсказывает, что делаешь ты это лишь тогда, когда захочешь.

– Во всяком случае, капитан запаниковал, когда я узнала, как его зовут.

– Он приверженец старых суеверий, – пояснил Атура. – Чтобы опровергнуть слухи, которые все еще упорно ходят здесь на протяжении стольких веков, в Харане должно жить больше ночных альб. В наши дни редко можно встретить кого-нибудь из вас.

– Сомневаюсь, что меня привезли сюда, чтобы восполнить недобор по какой-то там квоте, – съязвила я. – Почему лейб-гвардия королевы напала на меня среди ночи и погнала через всю Баштану, словно дикого зверя?

Атура вздохнул.

– Это не должно было произойти так.

– Я просто хочу знать почему, – призвала я мужчину к ответу.

Непонятная улыбка мужчины стала шире.

– Потому что тебя, Шира, желает видеть королева, – заявил он. – Потому что Серые Жрецы услышали, как Мурайя шептала твое имя в шуме водопадов, и потому что ты, возможно, станешь той, кто явит Фархиру новую эру. Ты избранная, Шира Абендхаух. Тебя ждет судьба, о которой ты не могла помыслить даже в самых смелых своих мечтах.

– Чушь, – возразила я.

Атура весело рассмеялся:

– Может, так оно и есть. Может, весь Харан сговорился против тебя и все мы: гвардейцы, лейб-гвардия королевы и я, твой покорный слуга, – изволим шутить над тобой. Считаешь это более вероятным?

И то и другое казалось мне полной бессмыслицей. Но, быть может, за этим действительно скрывалось нечто большее. Возможно ли, что Атура пытался завоевать мое доверие, чтобы получить признание, или он действительно ничего не знал о моем прошлом? Хотя вообще непонятно, зачем они при этом прибегали к таким сложностям. Сколько невинных жителей, чьи смертные приговоры основывались исключительно на домыслах и слухах, были сожжены на моих глазах? Не было никаких причин разыгрывать передо мной такое представление. Если я находилась здесь из-за собственных преступлений, я давно уже была бы мертва.

– Если королева желает меня видеть, так отведи меня к ней, – потребовала я.

Уверена, она не станет мне лгать. Королева Валтерна правила Фархиром уже более шестидесяти лет. Она славилась тем, что всегда говорила правду и одинаково относилась ко всем существам, благословленным Мурайей. Не важно, чистокровные они или нет.

– Я так и сделаю, – пообещал Атура без всяких отговорок. – Но только не в таком виде. Под всей этой грязью наверняка прячется довольно симпатичная альба. Когда мы явим ее миру и облачим в более достойные одежды, ты сможешь получить аудиенцию у королевы Валтерны.

Мне не понравилось, как он на меня посмотрел. Как если бы он думал, что моя кровь, кровь ночной альбы, тоже будет смыта, словно грязь, с помощью мыла и воды. Как будто я стану чем-то лучшим, когда мне расчешут волосы и втиснут мое тело в красивое платье. Все это ничего не изменит во мне. Тем более что я сама вовсе не хотела этого. Я была ночной альбой и гордилась этим.

– Тебе придется хорошенько потрудиться, – процедила я. – Никто не тронет меня, пока я не буду знать всей правды. Я не позволю, чтобы меня мыли и причесывали, как какую-то паршивую дворняжку, лишь бы угодить запросам обитателей дворца. Если королева – хоть наполовину та альба, за которую себя выдает, ее не побеспокоит мой внешний вид.

Атура приподнял бровь:

– У тебя есть принципы. Стоит отдать тебе должное. Но в том, что тебя ожидает, гордость может и помешать.

– И что же меня ожидает? – перебила я его.

Атура долго смотрел мне в глаза. Казалось, мужчина хотел прочесть меня, как те бесчисленные книги, что заполняли его полки. Я выдержала этот взгляд, пытаясь, со своей стороны, разглядеть намерения командира, однако вскоре вынуждена была признать, что этот альб так и остался для меня загадкой. А такое случалось совсем не часто.

– Королева Валтерна тяжело больна, – последовал наконец его прямой ответ.

Эти слова поразили меня, словно удар. В ушах зашумело, и тысячи мыслей одновременно атаковали мой мозг. Такие чистокровные высокородные альбы, как королева, способны были жить триста и более лет и при этом болели довольно редко.

Валтерна была слишком молода, чтобы серьезно заболеть. Наша богиня не допустила бы этого. Или нет?

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросила я.

– Затем, что Орден Серых решил искать преемницу для нашей королевы. В Харане уже известно, что ей осталось жить всего несколько недель, и очень скоро об этом узнает весь Фархир. Народу нужна уверенность, что он не останется без правителя, и поэтому жрецы Мурайи попросили богиню о помощи.

– Так, значит, это выборы новой королевы? – вырвалось у меня.

Я отшатнулась от Атуры и недоверчиво помотала головой. То, что он пытался мне сказать, никак не могло быть правдой. Возможно, Тарос слишком поторопился завершить свои

поиски. Наверняка существовала и другая Ши́ра. Какая-нибудь Высшая альба, волей случая носившая такое же, как у меня, имя.

– Такова воля Мурайи, – подтвердил Атура.

– Никогда еще... – начала я, но тут же осеклась. Ночная альба в роли королевы? Просто смешно. Более того – совершенно исключено.

– Все бывает в первый раз.

Я разразилась хохотом.

– Это неправда. Это не может быть правдой! Мурайя богиня магии, а в ночных альбах нет ни единой искры волшебства. С чего бы она стала называть мое имя? Наверняка альбы Ордена Серых просто ослышались.

Помимо того, что ни одна ночная альба еще не была Претенденткой на трон, Мурайя, которой было известно все на свете, должна была знать и правду обо мне. Если я и должна была находиться в Харане, то в лучшем случае – в темнице, но никак не на троне.

– Таковы факты, Ши́ра, – сказал Атура. – Были избраны десять молодых женщин из народа альб, и ты одна из них. Задачи, уготованные вам, опасны. Они бросают вызов вашим навыкам, знаниям и мужеству. Они могут стоить вам жизни. Возможно, Мурайя избрала тебя не для того, чтобы ты стала королевой, а для того, чтобы ночная альба доказала народу, что на самом деле скрыто в таких, как ты. И это дает тебе уникальную возможность развеять старые слухи и суеверия. Конечно, ты можешь отказаться, но хочешь ли ты этого? Хочешь подтвердить, что говорят о тебе подобных? Что вы трусливы и уклоняетесь от сложных задач? Я сказал, что ты можешь привести Фархир в новую эру, и я серьезно. Теперь все зависит от тебя, Ши́ра Абендхаух. Уже завтра ты предстанешь перед королевой. С высоко поднятой головой или закованная в цепи – решать тебе. Либо ты откажешься, либо примешь вызов. Но какое решение ты бы ни приняла, ты объявишь его перед королевой и всей знатью Фархира. В конце концов, оправдывать его тебе придется только перед самой собой.

Глава 5

Шира

Они запихнули меня в комнату, оставив наедине с собственными путающимися мыслями. Завтра я должна буду предстать перед королевой, и до того времени не было никакой возможности сбежать от них или из дворца. Перед моими покоями не оставили стражи, но, несмотря на это, я все равно ощущала себя пленницей.

Помещение было больше, чем весь дом Балдура. Сквозь высокие круглые арочные окна в комнату проникало солнце, а благодаря белой мебели, стенам и коврам она казалась еще чище и светлее. Я расхаживала туда-сюда по комнате, и мои заляпанные грязью сапоги оставляли за собой отчетливые следы. Если бы я уселась на белое, в цветок, покрывало кровати с балдахином, на нем бы тоже остались пятна. Я и сама чувствовала себя пятном, которое кто-то не заметил во время уборки.

Я была здесь совсем не к месту.

Все, что сказал Атура, было и оставалось для меня невыносимым. Ни в то, что Валтерна умрет, ни в то, что богиня магии назвала мое имя, я поверить не могла. Словно мне загадали загадку, ответ на которую никак не могла найти.

Что на самом деле скрывалось за всем этим? Заговор, чья-то жуткая шутка или уловка? Но к чему все эти усилия? Я не могла найти ответ ни на один из вопросов и ужасно досадовала из-за этого. В конце концов это меня разозлило. Но хуже всего было то, что каждая ниточка, за которой я следовала, заканчивалась в одной и той же точке; все говорило в пользу того, что Атура сказал правду, но я просто не могла этого принять.

Крик вырвался из моего горла, когда я с размаху врезала кулаком по стене. Взгляд остановился на вазе, которая стояла на комодке рядом со мной. Не помня себя от ярости, я схватила ее и метнула через всю комнату. Ваза ударилась о раму кровати с балдахином, и тысячи осколков брызнули в разные стороны.

Мое дыхание участилось; руки сжались в кулаки. Я была готова к тому, что когда-нибудь окажусь на виселице, но к тому, что происходило здесь и сейчас, – совсем нет. Сколько себя помнила, я всегда притворялась кем-то другим. Обычной безвинной девушкой, собиравшей травы на продажу. Я создала этот образ, чтобы скрыть правду о том, чем занималась по ночам, и преуспела в этом, быть может, даже слишком. Настолько, что даже сама Мурайя не ведала, кем я являлась на самом деле.

Неужели теперь мне и в самом деле придется стать как раз той неприметной альбой? Обмануть весь Харан, вплоть до представителей знати и самой королевы? Я совсем не хотела этого. Я не могла так поступить! Но и открыть им правду я тоже не могла. Воровка в качестве Претендентки на трон. Это пошатнет веру в Мурайю. Весь Фархир может рухнуть, а для ночных альб я добьюсь прямо противоположного тому, о чем говорил Атура. Мои действия только подтвердят: те, кто считал, что мы лишь лживые, коварные преступники, были правы.

Что мне оставалось делать, кроме как отказаться, а потом как можно быстрее кануть в небытие? Мне больше никогда не придется воровать. Потому что, если меня когда-нибудь схватят, правда все равно выйдет на свет. Проблема была в том, что воровство было тем единственным, что я умела делать по-настоящему хорошо. Воровкой – вот кем я была в действительности, и, как ни крути, принимала я этот вызов или отказывалась, я в любом случае отрекалась от самой себя, теряя важную часть своей личности. От этой мысли гнев разгорелся во мне с новой силой. Не раздумывая, я схватила комод и, издав истошный вопль, швырнула его через всю комнату.

И тут же, широко распахнув глаза, уставилась на поверженную мебель. Что я здесь устроила? Выпускать свои чувства наружу было приятно, но разрушение обстановки комнаты никак не улучшит моего положения. Скорее, наоборот. Это только подтвердит то, что все остальные думали о ночных альбах. Я вела себя словно дикий зверь в неволе – билась о прутья решетки своей золотой клетки и тем самым в конечном счете ранила только себя.

Пытаясь успокоиться, я глубоко вздохнула, когда в дверь постучали.

– Прошу прощения? – услышала я нерешительный голос.

Только этого мне не хватало. Комната выглядела как поле боя. Я как раз собиралась сказать, чтобы меня оставили в покое, но девушка уже открыла дверь.

Молодая альба, горничная, была едва ли старше меня. Чепец скрывал ее волосы цвета графита, а белый фартук – платье. Она с ужасом уставилась на меня и погром, который я устроила. Я не успела ничего объяснить или извиниться, потому что как раз в тот момент, когда я открыла рот, за спиной девушки в коридоре показалась группка молодых женщин.

– Осторожно! – крикнула одна из них, схватила горничную за руку и оттащила ее от двери.

Это была высокородная альба, чья красота была подобна солнцу. Локоны девушки жидким золотом струились, облекая изящную фигуру, кожа будто светилась изнутри, а черты лица были так совершенны, словно Мурайя создала его как образец красоты и грации.

Внешность девушки произвела на меня такое сильное впечатление, что я не отреагировала, когда она протянула ко мне руки с растопыренными пальцами. И хотя красавица прищурилась и смотрела на меня взглядом, исполненным решимости, ни морщинки не появилось ни на ее лбу, ни вокруг прекрасных глаз. Она была той высокородной альбой, о которых писали книги и которые были известны по изображениям прежних королей. Именно так и должна была выглядеть Претендентка на трон. Так, и никак иначе.

Пальцы высокородной двигались, словно сплетая солнечный свет, рука светилась, и я сдвинулась в сторону как раз вовремя, чтобы уклониться от заклинания. Сверкающий луч пронесся по комнате, ударил в окно, и стекло разбилось вдребезги.

– Позовите стражу! – потребовал ее звонкий, как серебряный колокольчик, голос. – Во дворце воровка!

Как же она была права. Хотя и не знала, зачем я здесь.

– Но... – начала горничная.

– Держись за мной! – прервала ее высокородная, простерев в моем направлении обе руки.

– Это уже первое задание? – прошептала одна из девушек за ее спиной.

– Вряд ли, – возразила другая. – Церемония открытия только завтра.

– Стража! – закричала высокородная, делая шаг ко мне.

– Осторожнее, Майла, – предостерегла девушка позади нее. – Эти существа могут кусаться и царапаться, как бешеные кошки.

Существо? Так они меня называли? Словно я не была альбой, какими были они. Словно я не лучше кого-нибудь из приبلудных людишек.

– Я тебя сейчас расцарапаю и укушу! – пригрозила я, сделав шаг навстречу девушке и издав при этом угрожающий рык.

К моему удовлетворению, молоденькие высокородные завизжали, как кучка перепуганных поросят, и отступили в коридор. Одна Майла не выказала страха. Она снова соткала из света лучи и атаковала, швырнув их прямо в меня. Я подпрыгнула, сделав сальто в воздухе, и заклинание пронеслось чуть ниже того места, где только что находился мой затылок. Я сгруппировалась и, оказавшись вновь на ногах, встала на четвереньки. Подняв взгляд, я поняла, что Майла совсем не собиралась сдаваться. Уклоняясь от ее магии, я откатилась в сторону и, как только снова встала, одним прыжком приземлилась на опрокинутый комод. Заклинание

высокородной альбы раскололо его в щепки, но я уже сидела на каркасе кровати, откуда свисал балдахин.

Взгляд Майлы не сразу нашел меня. Быть может, я не была такой красивой, благородной и одаренной, как она, но я, безусловно, была быстрее. Она могла бы разнести всю комнату и все-таки даже не коснуться меня. Хотя до этого, вероятно, не дойдет, потому что девушка уже тяжело дышала, и на лбу у нее выступил пот. Магия отнимала у нее слишком много сил.

Я ухмыльнулась, широко и удовлетворенно, как вдруг до моего слуха донесся треск рвущейся ткани. И едва я сообразила, что произошло, как балдахин кровати лопнул, а я очутилась на матрасе.

Я спешно вскочила, но Майла уже была рядом, направляя руки прямо мне в лицо.

– Не шевелись! – потребовала она и быстро взглянула на дверь. – Где стража?

Горничная, подбежавшая к ней, хотела дотронуться до руки девушки, но не решилась.

– Миледи? – нерешительно позвала она. – Это не воровка.

– Ах вот как? – ответила Майла. – И что же ночная альба забыла во дворце?

Послышался звук быстрых шагов, и через мгновение в дверном проеме появились стражники. Атура был среди них. Он с первого взгляда оценил обстановку, приказал мужчинам подождать и направился к Майле.

– Можешь опустить руки, – сказал он, касаясь плеча девушки.

– Но она опасна, – возразила Майла.

Атура доверительно улыбнулся ей.

– Не так, как ты, моя дорогая. Но, поверь, нет причин не доверять Шире. Она гостья королевы.

Взгляд Майлы заметался между мной и Атурой. Внезапно девушка, казалось, что-то поняла, потому что ее глаза расширились.

– Она Претендентка! – ошеломленно воскликнула она.

Атура кивнул, и Майла ахнула.

– А теперь иди, – сказал он, целуя девушку в лоб. – Я разберусь со всем этим хаосом.

Судя по всему, эти двое были больше, чем просто знакомыми. Они и впрямь великолепно подходили друг другу. Благородная Высшая альба и ее возлюбленный – командующий королевской армией. Пара, какую можно встретить лишь в сентиментальных любовных историях.

Майла бросила на меня еще один, последний взгляд, который, вероятно, должен был быть подозрительным и недовольным, но благодаря ее милому личику, маленькому курносому носику и огромным глазищам лишь добавлял ей очарования. Затем девушка, высоко подняв голову, вышла из комнаты и, едва оказавшись в коридоре, начала перешептываться с подружками.

– Ты – тоже, – приказал Атура горничной.

Юная альба, кивнув, поспешила к двери.

Атура указал на матрас:

– Можно?

– Это не моя кровать, – недовольно отозвалась я, усевшись на нее.

Все пошло именно так, как я и ожидала. В этом была и моя вина. Как я собиралась убедить кого-то в том, что такие, как я, ничем не хуже других альб, если вела себя как чокнутая?

Атура сел рядом со мной, оглядывая царящий в комнате хаос. В свою защиту я могла сказать лишь то, что ответственность за этот бардак лежала на мне лишь частично. Пока Майла не напала на меня, достаточно было лишь собрать осколки и вернуть комод на прежнее место, к стене.

– Я мог бы заверить тебя, что дальше будет лучше, – начал Атура. – Но это было бы ложью, и ты сама это знаешь.

– С твоей подружкой я как-нибудь справлюсь, – сказала я.

– Ты про Майлу? Она больше, чем подруга. Она одна из Претенденток, и не только. Майлу уже сейчас считают следующей королевой. Она представительница двух старейших дворянских семей Фархира и готовилась к завтрашнему дню всю свою жизнь.

То, что эта юная дворянка всю свою жизнь посвятила подготовке к такому маловероятному стечению обстоятельств, как преждевременная смерть королевы, из-за которой девушке придется вступить в борьбу за трон, вызывало страх и отвращение.

– О, так я обрастаю связями, – съязвила я.

Атура рассмеялся.

– Вряд ли вы подружитесь. – Мужчина повернулся ко мне, и улыбка застыла на его губах. Я не понимала почему. Что он видел во мне такого, чего не видела я? – Береги себя, – настоятельно посоветовал Атура. – Не связывайся с неправильными людьми. Этот дворец таит в себе не только красоту. Здесь множество опасностей. Если ты решишь остаться, это, вероятно, станет твоим самым большим приключением в жизни. Но не все рождены для приключений. Не каждому дано достаточно храбрости.

Для меня слова командира прозвучали скорее вызовом, чем предостережением. Если это было попыткой заставить меня сдаться, то Атура добился прямо противоположного.

– Сколько себя помню, я всегда полагалась только на себя, – спокойно ответила я. – Так что какой-то там высокородной альбе, страдающей непомерным тщеславием, меня не испугать.

Только после того, как последнее слово слетело с моих губ, я вспомнила, что Майла и Атура – пара. Оскорблять ее, конечно, было не лучшей идеей.

– Я верю тебе, Шира, – сказал он, и улыбка снова тронула губы мужчины. Но на этот раз она казалась хмурой, а взгляд Атуры был прикован к двери, когда он продолжил: – Мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь. Такие альбы, как мы с тобой, научились бороться вопреки всему. Никто из нас не был бы там, где он сейчас, если бы мы руководствовались своими страхами, верно?

Он снова изучающе смотрел на меня, и мне было трудно выдержать этот взгляд. Обычно такие долгие взгляды были мне неприятны, потому что тогда я чувствовала, как чудовище, которым меня считали, отражалось в глазах, смотрящих на меня. Но в глазах Атуры я видела только себя. Не дикарку, не зверя. И, казалось, действительно было что-то, что связывало нас друг с другом и притягивало меня к нему.

– Впредь я буду осторожнее, – пробормотала я, отворачиваясь от него. – Спасибо, – добавила я робко.

Да что со мной такое? Почему он так смутил меня? Сердце екнуло, когда рука Атуры легла на мое колено. Тепло его кожи впиталось в каждую клеточку моего тела, и на какое-то мгновение я перестала дышать.

– Это все, что я хотел услышать, – обронил он, поднимаясь с матраса.

Мои широко распахнутые глаза неотрывно смотрели в пол. Сердце колотилось как бешеное, но меня словно парализовало. Я слышала его шаги, слышала, как он на мгновение остановился у двери, и невольно подняла взгляд, чтобы посмотреть на него. Но Атура уже ушел. Тихо-тихо, что было совсем нетипично для альба крови.

Постепенно я поняла, почему Атура вызывал во мне такие смешанные чувства. Он не испытывал ко мне жалости. Не считал чем-то мерзким и отвратительным. Командир считал меня равной себе, видел мои сильные и слабые стороны и не упрекал за них. Вот что так взбудоражило меня, вот что заставило мое сердце забиться быстрее. И из всего этого я могла понять лишь одно: мы и впрямь походили друг на друга больше, чем можно было предположить. Мужчина не сказал этого открыто, но я уловила намек в его словах. Атура не был тем чистокровным альбой, каким должен был быть командующий королевской армией. И если я не ошибалась, в нем жило наследие мне подобных.

Если это соответствовало истине, то мне были понятны страхи, с которым Атуре пришлось бороться. Потому что когда правда будет раскрыта, это станет командиру смертным приговором.

Едва за Атурой закрылась дверь, как в комнату проскользнула горничная. Юная альба смущенно улыбнулась и сделала книксен.

– Прошу прощения, миледи, – сказала она.

– Что-то еще? – удивилась я.

– Я... меня определили к вам, – пояснила она, торопливо оглядываясь по сторонам. – Мне очень жаль, что я не смогла остановить этих юных леди. Мне следовало бы среагировать быстрее, тогда вы не подверглись бы опасности.

Я усмехнулась:

– Опасности? Из-за пары фокусов? Ну, для этого нужно немного больше.

Горничная удивленно взглянула на меня:

– Неужели вы не испугались? Когда вы увернулись и подскочили вверх – это было невероятно! Теперь я понимаю, как такая... как вы...

– Говори уже, – подсказала я. – Как ночная альба может претендовать на трон.

– Простите, – извинилась она, смущенно уставившись в пол.

– Нет проблем. Как тебя зовут?

– Сирена, миледи, – ответила она.

– Пожалуйста, оставь это. Давай на «ты».

– О, я ни за что не посмею! – выпалила она.

Я встала со своего места, стараясь оценить масштабы беспорядка, ставшего следствием нашей небольшой размолвки с Майлой.

– Нам придется провести вместе какое-то время, – рассеянно сказала я. Тут на одну только уборку уйдет полдня. – Так что можно обойтись без всей этой вежливой болтовни. Я не леди, и это знают все.

– Миледи, я родилась в семье альб, чей род посвятил себя знаниям. Все мои предки и родственники посещали высшие школы, сочиняли глубокомысленные сочинения и вступали в Орден Серых. И вот – взгляните на меня. Я горничная. Я никогда не стану ни Верховной Жрицей, как моя старшая сестра, ни Магистром Магии, как моя мать, ни печатником, как мой брат. Орден Серых никогда не примет меня. Я знаю, каково это – чувствовать себя неуместной и непонятой.

– А я знаю, почему ко мне определили именно тебя, – сказала я. – Потому что остальные горничные оказались слишком хороши для того, чтобы прислуживать ночной альбе, ведь так?

Девушка ничего не ответила: она продолжала смотреть в пол, явно не зная, что делать.

– И именно поэтому мы должны держаться вместе, Сирена, – предложила я.

Она покраснела и, по-прежнему не поднимая взгляда, снова присела.

– Да, миледи, вы правы, – ответила она, заставив меня рассмеяться.

– Шира, – поправила я. – Зови меня просто Шира.

Глава 6

Шира

Немного еды, чуточка сна и обильная ванна – вот и все, что мне требовалось, чтобы снова обрести способность мыслить ясно. Однако по-настоящему поверить во все происходящее я не могла до сих пор. За то время, пока я купалась в соседней комнате, мои покои были прибраны, а окно – отремонтировано, так что ничто больше не напоминало о недавней размолвке между мной и этой тщеславной высокородной альбой.

Когда я, завернутая лишь в банное полотенце, ступила в комнату, горничные поспешили закончить свою работу и одна за другой выскочили за дверь. Осталась только Сирена, которая изо всех сил старалась не показывать, насколько неловко она себя чувствовала из-за поведения остальной прислуги.

– Миледи, – приветствовала меня она.

Я кивнула, устремив взгляд на окно.

Луна уже взошла, но бесчисленные огни столицы сияли ярче звезд. Этот вид соответствовал моим представлениям о жителях Харана. Высокородные альбы стремились затмить собой даже красоту безупречной безоблачной ночи.

Я собиралась было взять свою одежду, но стул, на котором она лежала, был пуст. Нахмурившись, я остановилась.

– Ты не знаешь, где моя одежда? – спросила я.

– Вы хотели ее вернуть? – Сирена выглядела странно озадаченной.

– Ну не голой же мне появляться перед королевой, – объяснила я как нечто само собой разумеющееся.

– О, не беспокойтесь! – замахала руками она. – Портной будет здесь с минуты на минуту. Могу я пока расчесать вам волосы?

– Нет, не нужно, и я не хочу, чтобы меня переодевали в другую одежду. Я хочу назад свои кожаные бьюки. Они долгие годы служили мне верой и правдой.

– Мне очень жаль, – искренне извинилась Сирена. – Но скорее всего их уже сожгли.

– Сожгли? – воскликнула я. – Но зачем это делать?

– Миледи, вы Претендентка на трон. Вы должны использовать все преимущества, которые предлагает вам дворец. Остальные леди затянута в бархат и шелка. Большинство из них происходят из хороших семей и явились сюда с целым штатом прислуги, бесчисленными нарядами и собственными портными. Задача, которая стоит перед вами, и так достаточно сложна, но если не привлечь на вашу сторону представителей Высших семей Фархира, все окажется бесполезным. Если только не случится невозможное, когда все остальные Претендентки потерпят неудачу, именно дворянство в конечном счете решит, кто лучше всего справился со своей задачей и взойдет на трон. Вы должны привлечь на свою сторону знатных дам и лордов Фархира, а это случится только в том случае, если вы станете одной из них.

Как раз этого я и не хотела. Ни за что на свете. Я видела, как богатство и власть отравляли альб, я проникала в дома, безупречные и величественные снаружи и развращенные внутри, как души их владельцев, полные лжи и интриг. Я слишком много знала об истинной натуре власть имущих, чтобы хотеть стать одной из них. Они считали меня грязной, но нечистоты темных переулков, где эти альбы встречались со мной, желая воспользоваться моими услугами, были ничем по сравнению с тем, что лежало на их совести.

Прежде, чем я успела ответить Сирене, в дверь постучали.

– А вот и он! – радостно сказала горничная, открывая дверь.

Портной, альб высокого роста, обладал всклоченной шевелюрой и жесткой выправкой. Не поздоровавшись ни со мной, ни с Сиреной, он, казалось, очень спеша, вошел в комнату в сопровождении целой толпы подмастерьев. Старательные юнцы сгибались под тяжестью тюков ткани самых разнообразных оттенков. Они окружили меня, протягивая то одну, то другую ткань, в то время как их мастер отметал одну за другой.

– Слишком яркая, слишком синяя, слишком тяжелая, – говорил он раздраженным тоном, отклоняя тот или иной сверток одним движением руки.

Подмастерья отбрасывали все новые и новые рулоны ткани на кровать, предлагая портному новый выбор: искусно вытканые полотна тончайшего батиста и атласного дамаста.

Мужчина ни разу не взглянул мне в лицо и не обратился ко мне напрямую. Он обошел вокруг, поморщился и хотел взять меня за руку, но тут мне стало окончательно не по себе, и я оттолкнула его пальцы.

– Не трогай меня! – прошипела я.

– Я не могу так работать, – возмущенно заявил он, повернувшись к Сирене.

Подыскивая слова для ответа, та робко улыбнулась.

– Она просто немного взволнована. Не так ли, миледи? Вы, конечно же, не хотели оскорбить придворного портного королевы.

– Прежде всего я не хочу быть куклой для переодеваний, – возразила я. – Мне не нужно платье, в котором я буду выглядеть как высокородная альба. Я не одна из них и никогда такой не стану.

– Но... это моя работа, – нерешительно начала Сирена. – Мне поручено сделать вас достойной Претенденткой.

– Полагаю, это напрасный труд, – сказал портной, окидывая меня снисходительным взглядом. – Из ощипанной курицы орла не выйдет.

– Зато коврик из придворного портного – выйдет, – огрызнулась я, сверкнув на мужчину злобным взглядом.

Взгляд Сирены в растерянности метался между мной и королевским портным.

– Вы... вы правы, – сказала она наконец. – Пожалуйста, уходите, сэ. Благодарю вас за хлопоты, но ваши услуги больше не понадобятся.

И она указала на дверь.

Откуда такая внезапная перемена? По всей видимости, я снова зашла слишком далеко, и девушка увидела, что нет смысла пытаться сделать из меня то, чем я не являлась.

– Как скажешь, – отозвался портной. – Но не думай, что сможешь потом позвать меня на помощь в последнюю минуту, моя дорогая. Теперь эта ночная альба – полностью твоя проблема, и если она предстанет перед королевой в банном полотенце, отвечать за нее придется не мне, а тебе.

– Я знаю это, – ответила Сирена.

Я вопросительно посмотрела на нее.

Портной одним движением руки отдал приказ уходить, и его подмастерья торопливо собрали свои ткани. Один из них, с темными волосами и карими глазами, явно не такой чистокровный, как остальные, бросил на меня быстрый взгляд и лукаво улыбнулся. Он был первым из них, кто вообще посмотрел на меня. Нагруженный несколькими тюками, юноша прошел мимо меня.

– Ваш вид, безусловно, произведет впечатление в тронном зале, – тихо пошутил он, направившись затем следом за остальными подмастерьями.

Когда юноша уже был у двери, Сирена остановила его и что-то шепнула на ухо.

Я плотнее обернула полотенце вокруг своего тела. Уж лучше я появлюсь перед королевой в таком виде, чем стану плохой копией высокородной альбы. Ни одно платье в мире не в силах сделать из меня достойную Претендентку на трон. Но то, что Сирена понесет за меня

ответственность, было неприемлемо. В том, что я была настолько упряма и неразумна, не было ее вины.

– Мне очень жаль, – сказала Сирена, когда дверь за портным и его подмастерьями закрылась. – Мне очень, очень жаль. Я хотела, чтобы вам не пришлось себя стыдиться. Я хотела, чтобы вы были как минимум такой же красивой, как другие Претендентки. Все высмеивали меня за то, что я согласилась вас поддержать. Они сказали, что это разрушит мою репутацию. Однако я хотела доказать и им, и себе, что все возможно, но при этом поставила свои собственные идеи выше ваших. То, как обращался с вами придворный портной, – неприемлемо. Вы не должны чувствовать, что из вас пытаются сделать высокородную. Нет, если вы не хотите этого.

– Почему это должно повредить твоей репутации? – спросила я. – Никто не может винить тебя за то, кем или чем я являюсь.

– Только не при дворе, – уточнила девушка. – Если дворянин попадает в немилость, это влияет и на его слуг. Если придворный портной сошьет даме платье, которое порвется во время танца, за это привлекут к ответственности его, а не дворянина, который наступит леди на шлейф. А придворный портной возложит эту вину на одного из подмастерьев, чтобы очистить собственное имя и имена остальных своих помощников. В противном случае наказаны будут все. Поэтому если Претендентке на трон грозит потерять благосклонность знати, это скажется и на ее прислуге. Проиграете вы – проиграю и я.

Ошеломленная, я уставилась на Сирену. Теперь я поняла истинную причину того, что ни одна горничная не захотела работать на меня. Они боялись, что я совершу ошибку, оскорблю дворянина или даже королеву и буду наказана за это смертью, пытками или изгнанием. Какое наказание ни постигнет меня – оно затронет любого, кто мне служил. В данном случае – Сирену.

– И тем не менее ты не отказалась, когда тебя захотели определить ко мне? – спросила я.

– Ну, нет, – подтвердила она, сверкнув глазами. – Потому что я верю в вас! Потому что я знаю, что Мурайя назвала ваше имя не просто так. Должно быть, вы – нечто совершенно особенное, иначе вас бы здесь не было. И я была настолько глупа, что забыла об этом. Хотела сделать из вас куклу. Простите меня.

– Сирена, все в порядке. Здесь не за что прощать. Скорее, это я должна извиняться. Я ведь не могу предстать перед королевой в банном полотенце, с исцарапанным лицом и растрепанными волосами. Быть может, придворный портной и не был особенно дружелюбен, но я справилась бы с этим, если бы знала, что ты поставила на карту.

– Вы не должны беспокоиться. Обо мне, во всяком случае. Ведь я же не волнуюсь, – заверила она, подходя ко мне. – Вы не хрупкая дворянка. Вы боец. Смелая, решительная и переполненная энергией. Именно эти качества отличают настоящую королеву. Если это вижу я, то могут увидеть и другие. Вы с честью выполните свою задачу и тем самым завоюете всеобщее признание. Так, как умеете только вы.

Мои губы растянулись в широкой улыбке. Лучшего союзника я не могла желать.

Когда Сирена в течение, по моим ощущениям, целой вечности истязала меня щеткой для волос, вычесывая из моей упрямой гривы одно воронье гнездо за другим, мое отношение к ней постепенно становилось не таким доброжелательным, как прежде. Если Сирене вздумается уйти из горничных, она вполне сможет попробовать себя в качестве мастера пыток. Во всяком случае, склонностями к этому она обладала.

Стук в дверь избавил меня наконец от пытки. Я облегченно вздохнула, когда Сирена отложила щетку в сторону. Девушка понимающе улыбнулась мне и поспешила к двери.

Я плотнее натянула на плечи покрывало, которое обмотала вокруг тела вместо банного полотенца, и удивилась, увидев, что Сирена впустила нахального подмастерья, который только недавно ушел.

У меня создалось впечатление, что в нем преобладает наследие людей. Его глаза не были синими, белесыми или ярко-зелеными – они были темными, как и его мерцающие волосы, а кожа казалась загорелой. Юноша был всего на полголовы выше Сирены и максимум на два-три года старше.

– Ты не представляешь, чем я рискую ради тебя, Сири, – сказал он, сунув ей в руки сверток, состоящий из мягкой кожи и лоскутков ткани. Потом он взглянул на меня. Снова по его губам скользнула лукавая улыбка, а глаза вызывающе заблестели. Человеческое наследие проявилось так явно, что я не могла ошибиться. – Так в чем проблема? В этом покрывале она уже выглядит достаточно презентабельно. Гораздо лучше, чем в банном полотенце. Скрывает ссадины на руках и прекрасно сочетается с цветом лица.

– А ты знаешь, что будет прекрасно сочетаться с твоим цветом лица? – воинственно спросила я.

– Она кусается? – шепнул он Сирене, усмехаясь еще шире.

Я вскочила и обязательно набросилась бы на него, если бы покрывало не было таким длинным и громоздким. Наполовину оно все еще оставалось лежать на кровати, и я, не собираясь появляться перед парнем обнаженной, дергала и тянула за ткань, вертелась, и когда она обвилась вокруг моих ног, чуть не упала и выругалась.

Подмастерье поднял руки в защитном жесте и отпрянул от меня.

– Вижу, она совсем дикарка.

– Не будь таким, Канан, – попросила его Сирена.

Я резко глянула на него. Я знала это имя, и оно не означало ничего хорошего. Мой гнев мгновенно иссяк.

– Это твое имя? – спросила я.

– А что, для тебя это проблема? – грубо ответил он.

На древнем языке слово *канан* означало что-то вроде бесчестья. Если подмастерье открыто носил это имя, это могло означать только одно: связь его родителей была подвергнута осуждению, и тем не менее они крестили мальчика в храме Мурайи.

Только Верховные Жрецы Серых могли быть настолько безжалостными, чтобы возложить на ребенка такое бремя. И в то же время это было даром, потому что имя юноши говорило о том, что его родители пожалели о своих ошибках и раскаялись, вместо того чтобы отвернуться от своих семей и спрятаться в одном из приграничных городков. Скорее всего они погибли ради своего сына, оставив его сиротой. После того как Мурайя благословила этого ребенка, уже ни один альб не имел права обидеть или обездолить его. Только так кто-то вроде него мог заполучить престижное место при дворе. И все же на него всегда будут смотреть свысока. Уже потому, что юноша имел смешанную кровь и так явно проступающее в его облике человеческое наследие. Наверняка ему говорили, что от него воняет людьми. Обычная насмешка, от которой страдали все альбы, происходившие от людей или обитавшие вблизи границы.

– Нет, никаких проблем, – сказала я.

Я была последней, кто имел право осуждать парня или поступки его родителей. Он должен был понимать это и все же взглянул на меня с недоверием.

– Что ты собираешься с этим делать? – спросила я, указывая на сверток в руках Сирены. – Похоже на обрезки из пошивочной мастерской.

– Лучше, чем ничего, правда?

– Доверьтесь мне, – попросила Сирена. – Канан лучший портной во всем Фархире. Когда-нибудь он станет придворным портным. Он позаботится о том, чтобы ваше завтрашнее появление стало незабываемым.

Портной для этого мне был не нужен. Мне всего лишь нужно было быть той, кто я есть. Ночная альба в качестве Претендентки на трон не останется незамеченной. Но я доверяла Сирене. Если она говорила, что Канан лучший, значит, так оно и было.

Глава 7

Шира

Ночь выдалась долгой. Я проспала всего несколько часов, когда запах свежесваренного чая и выпечки разбудил меня.

– Это так нелепо! – услышала я шепот девушки. – Неужели Мурайя хочет испытать нас?

Мне потребовалось какое-то мгновение, чтобы проснуться. И только когда, распахнув глаза, я увидела перед собой кое-как залатанный балдахин, я поняла, что минувший день не был сном.

– Она просыпается, – прошептал кто-то.

Я села на постели и обнаружила у изножья кровати Майлу и ее подруг. Я торопливо огляделась по сторонам. Сирены не было, а вместо моей новой одежды, которую Канан сшил для меня этой ночью, на стуле висело длинное одеяние из некрашеного льна.

– Доброе утро, – с улыбкой на лице поприветствовала меня Майла.

– Что тебе здесь нужно?

Девушки захихикали.

– Извини, мы не ожидали, что в такое время ты еще спишь. Через час мы уже должны быть у королевы.

– Я спросила, что тебе здесь нужно, – повторила я.

– Поговорить с тобой, – объяснила она. – Извиниться и представиться.

– Ну конечно, – презрительно фыркнула я.

– Мое имя Майла Моргентау³ из Третьего дома Тахадеи, – представилась она и затем указала рукой на высокородную альбу рядом с собой: – Это Арения Блютенглут⁴, дочь Высших альб с севера. – Арения, стройная альба с белыми волосами, растянула губы в фальшивой улыбке. – А эта милая альба рядом с ней – Риэлла Федерглянц⁵, жрица храма Турры. Мы все – Претендентки на трон и хотим приветствовать тебя как одну из нас. Ты ведь Шира Абендхаух, не так ли? Из какого ты Дома?

– Не ваше дело, – резко ответила я. Они и так прекрасно знали, что у таких, как я, нет родословной.

– Пожалуйста, не надо так грубо, – сказала Майла, обходя кровать. – Я же извинилась. Ты знаешь, мы все решили, что не хотим быть соперницами. Мы избраны Мурайей, и любая из нас может стать королевой.

– К тому же зависть и враждебность совсем не к лицу королеве, – добавила Арения. Она сузила свои и без того узкие глаза в тонкие щелочки и самодовольно улыбнулась.

– Мы хотим подружиться, – добавила Риэлла, подходя на шаг ближе. Она была намного ниже двух других девушек, с серебристо-белыми, собранными в высокую прическу волосами, а вместо благородных одежд носила одеяние жрицы.

– А если я не хочу с вами дружить? – спросила я, поворачиваясь к Майле.

– Если ты предпочитаешь сражаться исключительно ради себя – твое дело. Ты ведь ночная альба, а вы привыкли заботиться только о себе.

Мой пристальный взгляд остановился на Майле. Я несколько не доверяла ей. Стать подругами? Сотрудничать? Да никогда в жизни. Ее появление здесь было лишь частью злонамеренного плана, который заключался в том, чтобы обманывать и коварно шпионить за мной.

³ Моргентау (*нем.* Morgentau) – утренняя роса.

⁴ Блютенглут (*нем.* Blütenglut) – яркий цветок.

⁵ Федерглянц – (*нем.* Federglanz) – сверкающее оперение.

В конце концов трон достанется лишь одной из Претенденток, и эти альбы-интриганки хотели удостовериться, что я не смогу к нему даже приблизиться. Они даже не делали из этого тайны. Слова Майлы не могли скрыть интонацию ее голоса и злобные взгляды, которые она метала в меня.

Я еще раз взглянула на стул рядом с собой.

– Где моя одежда? – спросила я.

Две девушки в ногах кровати захихикали вновь, в то время как Майла осталась невозмутимой.

– А, ты про тот странный костюм? Что это вообще такое было? Что-то вроде доспехов из обрывков кожи? Как я уже сказала, мы решили поддерживать друг друга. Мы хотим помочь и тебе, ведь не можем же мы позволить, чтобы ты предстала перед королевой в таком виде. Я выбросила эту штуку и щедро предоставляю в твое пользование одно из своих платьев.

Я вскочила и рванула Майлу за руку, прижав ее к стене. Девушки испуганно вскрикнули, но Майла только уставилась на меня, расширив глаза. Она была похожа на косулю, которая, казалось, не ведая страха, смотрела прямо в прицел охотника.

– Да как ты смеешь! – прошипела я.

– Я просто хотела помочь, – упорствовала она.

– И вот это – одно из твоих платьев? – набросилась я на нее. – Это мешок, и больше ничего!

– Если ты тронешь меня хоть пальцем, тебя с позором выгонят из города. Тебя и всех твоих сторонников, – предупредила Майла. Ее взгляд, устремленный на меня, был холодным и расчетливым. – Я выясню, как тебе удалось сжульничать и оказаться среди Претенденток, я раскрою твои истинные намерения. Никто не обесчестит имя Мурайи безнаказанно.

Мои пальцы плотнее сомкнулись вокруг ее руки, и натянутая улыбка Майлы стала еще шире. Я скрипнула зубами, борясь с желанием всадить свой кулак ей в лицо. Ничто не принесло бы мне сейчас большего удовольствия. И все же, пересилив себя, я отпустила Майлу, отступив от нее на шаг. Я не могла позволить себе ошибаться. Ради Сирены – не могла.

– Спасибо за помощь, – с плохо скрываемой яростью в голосе сказала я. – Ты очень щедра.

Майла ухмыльнулась, разгладила платье и поправила прическу.

– Не за что, – сказала она, кивком дав понять подругам, что они уходят. – Увидимся в тронном зале. Тебе, конечно, потребуется еще немного времени, чтобы принять правильное решение, прежде чем объявить его перед всеми. Ведь ты, наверное, хочешь быть абсолютно уверена в том, стоит ли тебе принимать вызов и бороться за право на престол.

Я смотрела им вслед, когда они покидали мою комнату, высоко вскинув головы. Мои руки сжались в кулаки. Угроз я не боялась – их высокомерие только подогревало мой гнев. В дверях девушки встретились с Сиреной, которая сделала вежливый реверанс, но не смогла скрыть своего изумления.

– Что здесь делала Майла? – спросила она, едва три Претендентки скрылись за дверями.

Я посмотрела на стул, и Сирена проследила за моим взглядом. И тут же в испуге зажала руками рот.

– Но мы ведь всю ночь работали над ним! – выдохнула она.

Я подняла платье перед собой. И впрямь – мешок, и ничего больше. Снизу – длинная комбинация в пол из некрашеного льна. Сверху – вылинявшее платье без рукавов когда-то красного цвета. И при этом – ни ремня, ни шнуров, ни чего-либо еще, что могло бы придать всему этому форму. То, что всего за пару часов создал Канан, было шедевром. Но в этих лохмотьях я буду выглядеть хуже любой крестьянки.

– Если будет нужно, я обыщу весь дворец, – пообещала Сирена.

– Все в порядке, – сказала я. – Я надену это. В любом случае это не имеет значения.

Конечно, Майла была не единственной, кто считал, что я сжульничала, чтобы попасть сюда. И это все, что они когда-либо увидят во мне. Обманщицу – коварную, лживую ночную альбу.

– Но...

– Сирена, я та, кто есть. Что бы я ни надела.

Еще мгновение она с беспокойством смотрела на меня, но потом вновь обрела уверенность и улыбнулась.

– И правда. Вы в любом случае сможете убедить их в ценности своих внутренних качеств. Кого волнует, что на вас надето?

Сирена достала пояс, чтобы я могла хоть как-то подвязать платье. Оно было слишком длинным; рукава доходили мне до костяшек пальцев, а юбка оказалась слишком широка в бедрах. Платье снова и снова соскальзывало с моих плеч, и стражники, которые забрали меня и теперь вели по широким сводчатым коридорам дворца, то и дело неодобрительно посматривали в мою сторону, когда я поправляла его.

Я чувствовала себя пленницей. Двое мужчин шли впереди меня, еще двое шагали следом. Сопровождали ли таким образом и других Претенденток? Или они просто хотели убедиться, что я не наделаю глупостей по дороге в тронный зал?

Мы вошли в холл, обрамленный четырьмя колоннами, который напомнил мне въездные ворота в город. Колонны здесь тоже имели форму деревьев, листья которых сплетались над ними в крышу из белого камня. Внимательный взгляд мог рассмотреть многочисленные свечи, мерцание которых, подобно солнечному свету, просачивалось сквозь филигранно вырезанные кроны каменных деревьев. Я не представляла, как что-то, помимо магии, могло зажечь эти свечи. Даже самые тонкие руки не протиснулись бы сквозь узкие щели между листьями.

– Жди здесь, – недовольно буркнул один из стражников. – Тебя позовут.

Я кивнула.

Как могла я убедить всех в том, что достойна стать королевой, если даже стражникам трудно не обращаться со мной как с животным?

Мужчины даже ни разу не посмотрели прямо на меня. Наконец, когда они уходили, один из них еще и презрительно фыркнул, а потом я осталась одна. Выпрямившись, я встала перед двустворчатой дверью и глубоко вздохнула. Однако подавить волнение, овладевшее мной, это не помогло. Я столько раз уже проникала в строго охраняемые дома, унося из-под носа их хозяев самые ценные сокровища, но никогда еще мое сердце не билось так сильно, как в этот момент.

Возможно, все это было ошибкой. Я еще могла все изменить. Когда меня вызовут, мне нужно будет лишь войти и отказаться.

В напряжении ожидая того, что произойдет, я услышала быстрые шаги в одном из боковых коридоров. Кто-то шел прямо ко мне, и я испугалась, что это не означает ничего хорошего.

Я бесшумно отступила на шаг и быстро выглянула в боковой коридор. Я твердо рассчитывала увидеть вооруженных кровопийц и сбежать еще до того, как встречу с королевой. Но тем, кто приближался ко мне, был Атура. Он еще не заметил меня, когда рядом с ним открылась дверь.

– Сюда, – прошептал кто-то.

Атура украдкой огляделся. Поспешно убрав голову, я услышала, как он вошел в комнату.

– Что ты здесь делаешь? – разгневанно спросил он. – Если тебя найдут!..

– Меньше всего я беспокоюсь о себе, – ответил незнакомец.

– Она уже сделала свой выбор?

– Я как раз направлялся к ней. Ее вызовут в любую минуту, и не перехвати ты меня, я уже знал бы ответ на твой вопрос.

Без всякого сомнения, они говорили обо мне. Очевидно, мужчины не подозревали о том, насколько хорош слух чистокровной ночной альбы, иначе вели бы себя тише. Даже если бы они стояли за дверью в нескольких метрах от меня, я бы слышала их четко и ясно.

– Теперь мы должны предоставить это судьбе, – проговорил незнакомец. – Ты пойдешь со мной. Уже появились первые слухи. Теперь, когда при дворе находится ночная альба, которую ты не только терпишь, но и поддерживаешь, безопасность твоей тайны под угрозой. Пришло время доставить тебя в безопасное место.

Значит, я была права? Атура – альб смешанной крови? Мужчина, в жилах которого текла кровь ночных альб, – командир королевской армии... Если Атура будет разоблачен, его ждет смерть.

– Конечно, нет. Здесь я могу быть намного полезнее, чем если спрячусь в одном из ваших монастырей. Шира нуждается в ком-то, кто поможет и поддержит ее, иначе все окажется напрасным. Все наши лишения и жертвы. Ты действительно хочешь этого? Мы зашли уже слишком далеко, чтобы так осторожничать.

Должно быть, это заговор. Иначе я никак не могла объяснить себе происходящее. Слишком долго высокородные альбы угнетали народ. Но теперь появился кто-то, пожелавший что-то изменить. Кто-то достаточно влиятельный для того, чтобы выдвинуть такого человека, как Атура, на столь высокую должность. И все же – каковы были их планы и какую роль в них играла я?

– Этого никто и не требует, – ответил незнакомец.

– Тогда соберитесь и позвольте мне действовать. Ведь именно я каждый день рискую своей жизнью. Не забывай об этом. Я делаю это ради нашего будущего. Ради будущего всех альб. И мне не нужно, чтобы кто-то напоминал мне, насколько это опасно. Все, что мне нужно, – это ваша поддержка и немного терпения. Мы поняли друг друга?

Если незнакомец и ответил что-то, то сделал это молча.

Мне очень хотелось бы знать, с кем разговаривал Атура и что за тайная группировка стояла за ним. То, что предательства и интриги были обычным явлением в жизни аристократов, для меня не было новостью. Но я бы никогда не подумала, что среди них найдутся те, кто был готов рискнуть всем, чтобы привести нашу страну к лучшему будущему. Кажется, я вляпалась в нечто большее, чем стандартное постановочное избрание будущей королевы. Я была частью заговора, который, по-видимому, сводился к свержению высокородных. Но если они считали, что смогут достичь задуманного, возведя на престол ночную альбу, то явно поставили не на ту лошадку. Они и не подозревали, кем я была на самом деле – самой обыкновенной воровкой.

– Шира Абендхаух из Баштаны! – донесся громкий голос из-за двери в тронный зал.

Услышав свое имя, я вздрогнула всем телом. Теперь уже убежать было слишком поздно. Я глубоко вдохнула и сделала шаг к двери. В последний раз проверив, как сидит платье, я заметила, что рукав вновь соскользнул с моего плеча, и поспешно поправила его.

Ропот множества голосов достиг моих ушей, и, когда я вновь подняла взгляд, дверь была уже открыта. Все взгляды были прикованы ко мне.

Я проклинала безупречно отрегулированные петли дверей королевского дворца за то, что они не скрипнули и не предупредили меня. Потому что несколько десятков роскошно одетых дворян, жрецов в праздничных одеяниях и парадно одетых членов королевской армии имели сомнительное удовольствие наблюдать, как я неуклюже возилась со своим платьем.

Стараясь не обращать на это внимания, я шла, глядя прямо перед собой, и ощущала себя почти прозрачной. Словно все присутствовавшие видели меня насквозь и распознали во мне ту обманщицу, которой я и была на самом деле. Сколько из этих альб состояли в заговоре Атуры? Были ли у него вообще сторонники среди обитателей дворца, или здесь он был предоставлен только самому себе?

Избрала меня Мурайя или нет, двое ли, двадцать ли из этих дворян желали наступления новой эпохи для Фархира, – было не важно; я все равно оставалась воровкой, и если правда станет известна, все эти альбы с радостью будут наблюдать, как с меня живьем сдерут кожу. При этой мысли я даже приостановилась. Мое воображение тут же разыгралось, и на короткое мгновение я увидела, как меня, закованную в цепи, волочат через толпы ревущих дворян. Их взгляды были полны отвращения; зал залитый светом превратился в зловещую пещеру, а лица вокруг – в перекошенные рожи, которые насмехались и издевались надо мной.

Я выбросила из головы это ужасающее видение будущего, выпрямила спину и, вскинув голову так высоко, как только могла, снова устремилась вперед. При этом постаралась сосредоточить все свое внимание на троне и не позволить разраставшемуся страху мной завладеть.

Ходили легенды, что на этом троне восседали правительницы более ста поколений альб. Дети Мурайи, изгнанные ею самой и обреченные жить смертной жизнью, голыми руками высекли его из горы. Такой высокой, что ее вершина доходила до Царства Магии. Они построили этот трон, ослепительно красивый, с изящными узорами и орнаментами, с высокой спинкой и пьедесталом, с которым он так плавно сливался, для нее – своей матери. И все это в надежде вернуть ее милость.

Но детям Мурайи понадобилась целая смертная жизнь, чтобы снести гору и достроить этот трон. И только их потомки могли любоваться его истинным великолепием и видеть, как его касался свет восходящего солнца.

Милость Мурайи вернуть не удалось. Даже после их смерти она не смогла простить своим детям того, что они создали людей и оставили их жить в собственном девственном мире. Богиня рассекла свою плоть, и кровь ее растеклась по земле – так Мурайя сотворила Харандеш. Поток обрушился на трон и поглотил его.

Однако потомки изгнанных детей богини не сдались. Они возвели вокруг трона город, разделив реку надвое.

И тогда Мурайя поняла, что поступила с детьми своих детей несправедливо. Она увидела, что один из них был столь же красив и грациозен, как и она сама, а другой – мудр и смирен. Третий был храбр и отважен, а четвертый – благороден и величественен. И хотя пятый и последний из них был хитер и коварен, она проявила милосердие и подарила им, называвшим себя альбами, королевство Фархир и сам трон. И, зная, что потомки ее детей будут защищать эту страну от людей и чтить имя своей богини, Мурайя пообещала навеки охранять их.

Эта легенда была знакома каждому, и теперь, когда я собственными глазами увидела трон Фархира, поставить ее под сомнение было трудно. Благоговение охватило меня, и мои шаги замедлились.

Вид Валтерны на троне заставил меня поверить, что первая королева альб явилась из Царства Магии. Нежное платье женщины облегло фигуру легко, словно только что выпавший снег, а на голове королева носила корону из горного хрусталя, которую, по легенде, вылепила из лунного сияния и звездного света сама Мурайя.

Ее взгляд был устремлен на меня, но лицо оставалось бесстрастным. Это была высокородная альба хрупкого телосложения, с глазами, подобными золотым монетам, и волосами, словно сотканными из солнечного света. Однако кожа королевы поражала необычайной бледностью, а на лбу блестели капельки пота. Значит, она действительно была больна. Но даже сейчас мне было трудно поверить в это.

Остановившись перед ступенями пьедестала, я встала на колени и склонила голову, подражая жрецам, которые так воздавали Мурайе свое почтение. Шепот за моей спиной стал громче, и я поняла, что сделала что-то не так.

– Встань, Шира Абендхаух, – обратилась ко мне королева. Ее голос, чистый, словно хрусталь, был мягок и ласков, и все же ему без труда удалось заглушить ропот толпы.

Не смея взглянуть на нее, я поднялась с колен.

Мое сердце по-прежнему бешено колотилось в грудной клетке, и я никак не могла понять, почему стоять перед этой больной, хрупкой женщиной мне было страшнее, чем пробираться мимо дюжины вооруженных кровопийц.

– После стольких лет Мурайя наконец простила и потомков своего пятого ребенка, – возвестила она. – Мы должны отпраздновать день, когда ночные альбы вернут себе ее благосклонность и почтят твоё имя, моя дорогая, прекрасная и грациозная Ши́ра.

В этот момент я все-таки подняла на нее взгляд. На губах королевы играла легкая улыбка, и мое сердце пропустило удар. Мне снова захотелось упасть на колени и поцеловать ее руку. Один только взгляд этой женщины был полон гордости, мудрости и доброты, и это заставило меня смириться. Она олицетворяла собой все, что должно было быть в королеве, и я могла бы проклясть Мурайю за то, что она хотела отобрать у нее жизнь и к тому же избрала для состязания за трон альб подлую воровку и кучку избалованных, самовлюбленных девок.

– Однако сначала тебе следует принять решение, – продолжала королева. – Хочешь ли ты принять милость Мурайи или отказываешься от имени всех ночных альб?

Если бы речь шла только обо мне, я бы отказалась. До тех пор, пока находилась здесь, я была на волосок от жестокой смерти. Но ни Валтерна, ни обстоятельства не оставляли мне настоящего выбора. Как могла я поставить свою собственную судьбу превыше судеб всех ночных альб? Столько поколений альб были воспитаны с верой в то, что один из потомков богини из старых сказок был коварен и мерзок. Что Мурайя проявила милосердие к альбам, несмотря на этого ребенка, а не из-за него. Этот ребенок, говорили легенды, и был предком всех ночных альб. Неспособный творить магию, недостойный ее доброты и любви, он был изгнан самой Мурайей во мрак ночи. И теперь королева утверждала, что все это закончится благодаря мне и в этот день. И более того, спустя столько времени появились альбы, готовые рискнуть своей жизнью, чтобы привести Фархир в лучшее будущее. Как при таких обстоятельствах я могла отказаться?

– Я принимаю вызов, – твердым голосом произнесла я, игнорируя возмущенные голоса у себя за спиной и склоняясь перед своей королевой.

Шелест ее одежд заставил меня поднять взгляд. Валтерна поднялась с трона и направилась ко мне. Она пошатнулась; ей пришлось ухватиться за трон, чтобы удержаться на ногах, но, когда одна из придворных дам поспешила к ней, королева отказалась от помощи.

Я с удивлением смотрела, как Валтерна спускается по ступенькам. Ее развевающееся платье и накидка, сплетенная из серебряных нитей, струились по пьедесталу, словно вода. Позади меня снова начали шептаться, и я быстро огляделась. Видимо, я была не единственной, кто силился понять, что задумала королева.

Валтерна остановилась рядом со мной, доброжелательно улыбнулась, а затем перевела взгляд на трон.

– Сначала ты скрещиваешь ноги, – начала объяснять королева, слегка приподняв платье, чтобы я могла видеть, что она делает. – Затем подхватываешь юбку по бокам, держа спину прямо. Опускаешь взгляд – и сгибаешь колени. Видишь? Попробуй сама.

Я уставилась на королеву, как если бы она была птицей, вдруг начавшей разговаривать. Может быть, она была одной из сторонниц Атуры? Иначе к чему ей снисходить до того, чтобы ставить себя на одну ступень со мной? Приветливая улыбка женщины вывела меня из оцепенения, и я сделала то, о чем она меня просила.

– Вот как следует делать реверанс перед своей королевой, – удовлетворенно объявила Валтерна. – Я чрезвычайно рада, что ты следуешь зову Мурайи. Наверняка то, что она увидела в тебе, скоро достигнет и наших сердец.

Я открыла рот, не зная, что говорить. В присутствии королевы я чувствовала себя беспомощным маленьким ребенком.

Подоспевшая служанка помогла Валтерне преодолеть ступени и подняться к трону. Королева указала в сторону, где уже стояли Майла и еще пять Претенденток в потрясающих бальных платьях и с неодобрением наблюдали за происходящим. Одна прекраснее другой, каждая из них чудесно смотрелась бы на этом троне. Я присоединилась к ним, чувствуя себя словно гусь среди прекрасных лебедей.

– Риэлла Федерглянц, жрица храма Турры! – провозгласил мужчина, который до этого вызывал меня.

Королева снова села, приняв величественную позу.

– Еще раз спасибо за платье, – шепнула я Майле.

– Не стоит благодарности, – сказала она, даже не взглянув на меня. Некоторое время она упрямо смотрела прямо перед собой, а затем добавила: – Посмотри хорошенько на лица присутствующих в этой комнате дворян, Шира. В конце концов, именно они решают, кто станет будущей королевой. А вовсе не Валтерна. И даже если ты выполнишь поставленную перед тобой задачу, они выберут не явную обманщицу, признанную королевой лишь потому, что она не хочет подвергать сомнению слово Мурайи, а себе подобную.

– Как скажешь, – ответила я.

Майла бросила на меня мимолетный взгляд, но тут же снова устремила его вперед, туда, где Риэлла, облаченная в платье глубокого синего цвета с гербом ее жреческого ордена, предстала перед королевой.

– Но я восхищена твоей смелостью, – тихо добавила Майла.

Глава 8

Шира

Кто-то сунул мне в руку бокал с вином, и теперь, окруженная дворянами, я стояла посреди тронного зала, цепляясь за бокал так, словно это могло уберечь меня от падения в глубокую пропасть.

– Это и впрямь очень захватывающе, – гнусаво проговорил один из высокородных альб. Он потягивал вино из своего бокала и фальшиво улыбался, глядя на меня поверх его краев.

– Мне очень любопытно больше узнать о ночных альбах, – заявил стареющий жрец. – Однажды мне довелось посетить храм в Дуранде. Карета наша ехала через темный лес, и я видел сверкающие глаза и очертания фигур, движущихся сквозь тени. Должен признать, было страшно. Надеюсь, тебя это не обидит.

Мужчина накрыл мою руку своей, и я невольно отпрянула от него. Заставив себя улыбнуться, поправила сползшее платье.

– Конечно, нет, – пробормотала я.

Казалось, что для этих людей я что-то вроде циркового представления – дрессированный зверек, наряженный в альбийские одежды и совершающий все свои трюки исключительно ради их развлечения.

– Когда ты вошла в комнату, Шира, – произнесла, словно размышляя вслух, низкорослая седая альба с оттопыренными остроконечными ушами, ее довольно простое платье насыщенных красных и желтых оттенков выдавало в ней члена Ордена Магов, – я почувствовала себя так, словно снова вернулась в детство, когда я сама впервые предстала перед таким огромным количеством высокопоставленных дворян.

Она захихикала, и ее смех был подхвачен другими альбами.

Я попыталась было улыбнуться немного шире, но мне показалось, что это уже будет похоже на оскал.

– Видеть такую неопытную молодую девушку в наших рядах – это как глоток свежего воздуха, – проговорил какой-то высокородный альб.

– Она как необработанный алмаз, – вставила волшебница из Ордена Магов. – И очень интересно, как следующие несколько недель пребывания здесь отшлифуют тебя.

Молодая альба, в платье, нежном, как пелена тумана, проплыла мимо нас, будто паря над землей. Ее взгляд лишь на мгновение метнулся в мою сторону, но отвращение, которое читалось в нем, нельзя было не заметить. Оно разъедало меня изнутри. Моя рука плотнее сомкнулась вокруг бокала.

Она была не единственной, кто так смотрел на меня. Те немногие дворяне, что общались со мной, наверняка делали это только из чистого любопытства и притворной вежливости. При этом им едва ли удавалось скрывать, что они на самом деле думали обо мне. Внезапный громкий звон заставил меня и альб, находившихся рядом, вздрогнуть. Бокал в моей руке треснул.

– О боже! – воскликнула волшебница, прижав руку ко рту.

– Вы это видели? – зашептал кто-то у меня за спиной.

Подоспевший слуга забрал у меня из руки осколки и принялся подметать те, что упали на пол. Я хотела было ему помочь, но он, проворчав, что все в порядке, только отмахнулся.

– Такая неудача может произойти с каждым, – заверил жрец.

– Просто я привыкла пить из черепов, – отозвалась я и тут же пожалела о своем дерзком языке.

Три альбы уставились на меня в полном ужасе, и только когда я заставила себя улыбнуться, они принялись хихикать.

– Какое великолепное чувство юмора! – сказала волшебница.

Я огляделась. Трон был пуст, и Валтерны нигде не было видно. Как она ни старалась, королеве при ее болезни наверняка не хватало сил, чтобы принимать участие в празднованиях. Интересно, сколько еще нужно продержаться мне? Наверное, целый день. Не будь я вынуждена оставаться здесь до тех пор, пока не будет объявлено первое задание, я давно бы уже смылась отсюда.

В любом случае ни желания, ни шансов стать королевой у меня не было, и чем меньше я проявляла себя, тем меньше могла ошибиться. Я собиралась лишь выполнить поставленную передо мной задачу и тем самым доказать, что мы, ночные альбы, – вовсе не неудачники. После этого выбор падет на кого-то из остальных Претенденток, так что мне не придется заискивать перед дворянством. Только бы не слишком опозориться. Если это вообще возможно.

– Шира, – обратился ко мне кто-то. Я обернулась – передо мной стоял Атура. – Леди, джентльмены, – поприветствовал он осаждавших меня альб и сунул мне в руку новый бокал. Я уставилась на него так, словно он вручил мне сырое яйцо.

Атура наклонился и зашептал мне в ухо:

– В этом крестьянском платье я едва узнал тебя.

Словно по сигналу, рядом с нами тут же материализовалась Майла и подхватила мужчину под руку.

– Атура, ты куда-то запропастился. Не хочешь принести мне что-нибудь выпить?

Я посмотрела на бокал в своей руке, и Майла проследила за моим взглядом. Если она и сделала выводы, то никак не показала этого. Девушка повернулась к дворянам и протянула высокородному альбу руку.

– Давно не виделись, Батерус, – проговорила она, в то время как тот слегка обозначил поцелуй на ее руке. – Ты, кажется, похудел?

Залившись краской, мужчина выпрямился.

– Немного.

Майла кивнула волшебнице:

– Как дети, Арина? Они, должно быть, уже достаточно повзрослели, чтобы быть зачисленными в Магический Орден, не так ли?

– О да, и я буду мучительно по ним скучать, – вздохнула Арина. – Но мои надежды велики. По крайней мере, мой старший кажется чрезвычайно одаренным. И если окажется, что моя младшая не разделяет этого таланта, то решено посвятить ее в жрицы храма Мурайи. – Произнося последние слова, волшебница кивнула присутствовавшему здесь жрецу.

Казалось, Майла хотела дать понять, как сильно она меня опережает. Дворяне, которые со мной, ночной альбой, общались исключительно из любопытства, смотрели на нее сияющими глазами. Казалось, они считали огромной честью для себя то, что Майла Моргентау – альба, которая вскоре станет королевой Фархира, – обратилась к ним.

К чему тогда весь этот ритуал с выбором и заданиями, если дворянство давно приняло свое решение? Все, что требовалось Майле – выполнить задание, – и трон был ей обеспечен. И совершенно не важно, что станут делать другие Претендентки.

– Шира, сегодня ты выглядишь особенно очаровательно, – заметила Майла. – Это платье идет тебе намного больше, чем те дырявые, истлевшие тряпки, в которых ты приехала сюда. Оно так замечательно скрывает все твои многочисленные раны и ссадины. И волосы у тебя расчесаны! А я боялась, что их придется отрезать, до того они были спутанные. – Она посмотрела на остальных и рассмеялась. – Она была похожа на косматого медведя. Как будто ее поймали прямо в лесу и привезли сюда.

– Я могу вернуть тебе комплимент, – ответила я, демонстративно отпивая из бокала, который подал мне ее друг. – Эта улыбка на твоём лице сейчас идет тебе гораздо больше того гневного взгляда, который был когда ты напала на меня.

– Напала? – переспросила волшебница.

– О, всего лишь маленькое недоразумение, – отмахнулась Майла и внезапно взяла меня за руку. Сначала я хотела вырваться из ее пальцев, но потом передумала и решила не препятствовать. – Теперь мы – подруги, ведь так?

– Лучшие, – лицемерно добавила я.

– Ха! – вырвалось у Батеруса. – Ночная и высокородная альбы – дружат. Никогда не встречал ничего подобного.

Раздался звон; все дворяне повернулись ко входу, и Майла тут же уронила мою руку, словно она внезапно превратилась в конечность гниющего трупа.

Едва створки дверей распахнулись, общество двинулось в тронный зал, и я использовала эту возможность, чтобы избавиться от своего бокала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.